

Николай Хрипков

Поэмы

Николай Хрипков

ПОЭМЫ

<https://litres.ru/74122799>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эти поэмы рождались в разные годы. Они о нашей истории и современности, в них реальность, сказка и фантасмогория. Начинается сборник с «Повести о Темнине», истории из языческих времен Древней Руси. Поэма «Возвращение Теркина» создавалась автором как продолжение поэм о Василии Теркина великого русского поэта Александра Твардовского. «Свет и тьма» о судьбе деревенских девушек, которые отправляются в город в поисках счастья.

Николай Хрипков
Поэмы

Николай Хрипков

ПОЭМЫ

2024

Хрипков Николай Иванович, Новосибирская область,
8-913-712-02-73, khripkov.nikolai@yandex.ru/. Свет и тьма.
ПОЭМЫ

Николай Хрипков

Свет и тьма

ПОЭМЫ

© 2019 – **Хрипков Николай Иванович**

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Об авторе.

Родился 1 октября 1954 г. в Ленинском районе города Новосибирска. В рабочем поселке Затон. Отец работал грузчиком, фрезеровщиком на заводе НВА. 1962 – 1972 гг. – учился в средней школе № 69. 1972 – 1977 гг. – учился на филологическом отделении гуманитарного факультета НГУ. 1977 – 1979 гг. работал учителем русского языка и литературы в Чернокурьянской средней школе Карасукского района. 1979 – 1981 гг. работал учителем русского языка и литературы в Калиновской средней школе. 1981 – 1982 гг. плотником в ГОРЕМ города Карасука. 1982 – 1991 – инженером по технике безопасности в Калиновском совхозе. С 1991 г. учите-

лем истории в Калиновской школе. С 2018 – библиотекарь сельской библиотеки.

О книге. Эти поэмы рождались в разные годы. Они о нашей истории и современности, в них реальность, сказка и фантасмогория.

ПОВЕСТЬ О ТЕМНИЛЕ

Из древних-древних лет Руси

Из древних лет

1

Старость – все-таки не радость.

Хоть Темнила домовой,

Но прожив три века кряду,

Стал ворчливый и седой.

То натопят жарко печку,

То, напротив, топят мало –

Он залезет под овечку,

Вроде как под одеяло.

Стал проказничать он реже,

Спит за печкой, как сурок,

Иль на солнце кости нежит

Он, вскарабкавшись на стог.

Так и жил бы потихоньку
Без забот и без труда.
Но однажды в ту сторонку
Вдруг нагрянула беда.
Убивая и сжигая,
Налетела рать степная.
Нет пощады никому.
Все в пожарах и дыму.
Еле выскочил Темнила,
Обгоревший из огня.
Чуть его не раздавило
Под копытами коня.
Никуда ему нет ходу.
Затаился за кустом.
Это сколько же народу
Перерезано кругом?

До крови натер он ноги,
Третий день уже в пути.
«От кого ж теперь подмоги
От напасти мне найти?
Мне же, - бормотал Темнила, -
Нужен только мир и лад,
Чтоб согласие в доме было,
Огород, хозяйство, сад.
И куда ж теперь податься?»»

Поглядел вперед-назад.
Головешки лишь дымятся
Да убитые лежат.
«Ах ты горе-то какое!
Да за что ж такая честь?
Я же старый, мне б покоя,
За печурку бы залезть».
Шел он шел, дошел до леса.
В нем решил заночевать.
Под густым лесным навесом
Даже звезды не видать.
У пенька прилег Темнила
На постели моховой.
Что такое? Вроде шилом
Кто-то тыкает его.
Подскочил, протер глазенки.
Это кто там? Что за гад?
Ничего! Одни сосенки
Вместе с елями шумят.
Поблазнилось. Снова на бок.
Ни уюта, ни тепла.
И по телу вроде жаба
Ледяная, проползла.
Снова сел. Уже стемнелось.
Дальше носу не видать.
Так за печку захотелось,

Что пером не описать.
Так сидит. А рот зевота
Разрывает – просто страсть!
До чего же спать охота,
К печке тепленькой припасть.
Сон, известно, не работа,
До утра не подождет.
Спит Темнила.
Только кто-то
За плечо его трясет.
«Что ж ты, леший, привязался?
Что ж ты лезешь, паразит?»

Глядь в прищур! Не обознался:

Леший перед ним стоит.
- Ты чего, - промолвил Леший, -
На меня, браток, кричишь?
И куда шагаешь пеший?
На земле, как нищий, спишь?

Вот избушка-развалюшка.
Очень плоская, как плюшка.
Вся проросшая травой.
- Заходи, гость дорогой!

Проскользнул Темнила в щель.
Ну, и запахи! И прель!
Ох, у братушки и жизнь!
Вмиг подхватишь ревматизм!
Запалил хозяин свечку.
Затопил дровами печку.
Сразу жар такой пошел!
Сразу гостю хорошо!
Собирает стол хозяин,
Жарит, парит, нарезает.
До чего же сытный дух!
Ел Темнила аж за двух.
А насытившись, икнул
И у печки прикорнул.
И проспал он до обеда.
Встал. И началась беседа.
Все Темнила рассказал,
Как он страшно пострадал.
Почесал затылок Леший.
- Чем же мне тебя утешить?
Может, брат мой дорогой,
Жить останешься со мной?
- Извини! Но жизнь в лесу
Вряд ли я перенесу.
Нужен мне уют домашний,
Люди, борщ позавчерашний,

Игры, крик, младенца вой.
Я ж не Леший! Домовой!

Леший лишь вздыхает тяжко:
- Как помочь тебе, бедняжка?
Сам я, братец, не смогу.
Надо звать Бабу-Ягу!
Полети-ка, верный Сыч!
Быстро бабушку покличь!

Загудело вскоре что-то,
И в окошко, как в ворота,
На метле верхом сидя,
Как на палочке дитя,
Залетела в дом сестра,
Как от пламени искра.
Пакли серые торчат,
Зубы черные стучат.
Нос ее, как тыквы, долька.
Ну, красавица – и только!

2

Говорит Баба-Яга
Грустному Темниле:
- Вот злодеи! Ни фига
Черти натворили!

Только не переживай!
Помогу! Не брошу!
Отправляйся в дальний край,
Братец мой хороший!
Тут поможет лишь Перун,
Тяжка наш небесный...
Ну-ка где ты там, шалун,
Мой сынок любезный?

Тут из норки угловой
Выбрался бесенок,
Шустрый, маленький такой,
Юркий, как котенок.
По избе туда-сюда
Шастает бесенок.
Не ребенок, а беда!
Чистый постреленок!
Говорит Баба-Яга
Сыну-хлопотуну:
- Проведешь его к богам,
К самому Перуну!
Да в дороге не балуй
И не изгаляйся!
Ну, иди, меня целуй!
Да и собирайся!

Эх, Темнила, старый пень!
По лесам да мшаникам
Уж седьмой шагает день
Со своим племянником.

Как же он оголодал!
Как обьизносился!
Если б все про это знал,
Ввек не согласился.
И племянник достает
Дядьку понемногу:
То под ухо заорет,
То щипнет за ногу,
То в кустах поднимет вой,
Распугает птаху.
И Темнила чуть живой
От такого страху.
Подошли они к реке.
Что же делать, братцы?
Ниткой берег вдалеке.
Как переправляться?
Что тут делать? Пальцы в рот
Затолкал бесенок,
Да как свистнет обормот
Изо всех силенок.

Тут же выплыли русалки.
Юны. Глазки как фиалки,
Волосы зеленые,
Сами как беленные.
- На другую сторону
Вас доставим скоро мы!

И бесенок в тот же миг
На одну русалку прыг!
Ухватил за волоса.
- Ну-ка, девица-краса,
Поживей меня вези!
Слышишь? Бес меня возьми!

Делать нечего.
Темнила
На другую сел.
- Кобыла,
А не девка! Смех и грех!
Ну, поплыли! Э-хэ-хэх!

Эх, ты реченька-река,
До чего ж ты глубока!
Чаяк белоснежных стая.
Рыба плещется, играя.
За волной бежит волна,

Говорлива и вольна.
Вот и речки середина,
Переправы половина.
Как нырнули тут русалки!
- Что такое, елки-палки?

Все быстрее на глубину.
- Девки! Я же утону! -
Наш Темнила завопил
Изо всех последних сил.
А бесенок корчит рожи.
Смеха он сдержать не может.
- Если я останусь цел,
Я задам тебе, пострел!

Глядь! Хоромы перед ними
С воротами золотыми,
Стены же из янтаря,
Словно солнышко, горят.
А русалки их ссадили
И с хихиканьем уплыли.
Тут же стража подошла
И вовнутрь повела.
Прямо в главные палаты
Завели их.
Дед косматый

На резном высоком троне,
В длинной шубе и короне.
- Ну. И кто же ты такой?
- Я, Темнила, Водяной.
Царь подводный, стало быть.
У меня желаешь жить?
Здесь ни гнуса и ни войн...
Будет рядом терем твой...

Месяц уж прожил Темнила,
Словно рыба, под водой.
Стало все ему немило
До того, хоть волком вой.
Заявился к Водяному,
Честно выгнулся в дугу.
- Не могу я жить без дому.
И без печки не могу.
Отпусти меня. Мудрейший!
Я ж не рак и не налим...

А русалки, словно гейши,
Так и выются перед ним.
То щекочут волосами
(«Ну, рассмейся ж, дорогой!»),
То нечаянно хвостами
Задевают за него.

ПЕСНЯ РУСАЛОК

Правит царство под водой
Царь великий Водяной.
Слава! Слава Водяному!
Обойди весь белый свет,
В мире царства лучше нет!
Слава! Слава Водяному!

Здесь всегда царит покой.
Нет напасти никакой.
Ни мороза и ни зноя.
Здесь прекрасно, как в раю.
Все танцуют и поют,
Славят царство водяное.

Царство выше всех похвал.
Если ты сюда попал,
То останешься навек.
И неважно, кто ты есть,
Оставайся с нами здесь,
Дух ли ты иль человек!

- Нет! – воскликнул домовой.
- Убирайся! Бес с тобой! -

Рассердился Водяной.

- Жить не хочет под водой!

Забирайте его, внучки,

Дурака под белы ручки.

Вы наверх его доставьте

И на берегу оставьте.

Для такого дурака

Не нужна совсем река!

Ах, какая ж благодать

Свежим воздухом дышать

И по травке босиком

На своих двоих пешком.

Кружат бабочки, шмели

Басом песни завели.

Светит солнышко с небес.

Впереди темнеет лес.

3

Непоседливый бесенок

Рядом скачет, как котенок.

- Ну, проказник! Ну, шалун!

Где же наш отец Перун?

Далека ль еще дорога?

Много верст или немного

Нам еще с тобой шагать?
Аль не можешь ты сказать?

А бесенок ха-ха-ха!
И запрыгал как блоха.
- Эй, постой, - кричит Темнила.
- Не спеши!

Не тут-то было!
Чтоб бесенок без проказ?
Вскоре скрылся он из глаз.
В хвойный, темный и густой
Лес заходит домовой.
А куда идти не знает.
Встал. Бесенка выкликает.
Час кричит – не появился,
Как под землю провалился.

«Проводник, ядрена вошь!
С ним уж точно пропадешь!
Только что ж стоять без толку?
Чтоб попасться в зубы волку?»
Перед ним нора большая.
Высотой в сажень вход.
«Интересно же какая
В нем животная живет?»

И хоть он героем не был,
Любопытство взяло верх.
И пошел. Исчезло небо.
И не слышен шум дерев.
Огонек вдали мерцает.
Значит, кто-то здесь живет.

Веселее он шагает,
Чуть ли песни не поет.
Все светлее и светлее.
Вот Темнила входит в зал.
И в высокой галерее
Он бесенка увидал.

- Вот ты где запропастился!
Ну, проказник! Ну, пострел!
Ты зачем сюда спустился?
От меня сбежать хотел?

Дребезжащий слышит голос:
- Здравствуй, братец дорогой!

Повернулся. Дыбом волос!
Это кто же тут такой?
На скелете здоровенном
Кожа желтая висит.
И просвечивают вены.
Сердце, видно, как стучит.

- Это кто ж ты, интересно?

Отвечай, ядрена вошь!

- Я Кощей, владыка местный.

Аль родню не признаешь?

Эх, ты жизнь моя жестянка! -

Тихо вымолвил Кощей.

- Просыпаюсь спозаранку

Принимать своих гостей.

У людей одна дорога:

Все сюда ко мне придут.

А сейчас особо много

Убиенных все несут.

И до ночи вереница.

Я ж уже лишился сна.

Что ж там наверху творится?

Аль опять идет война?

Погрустнел Темнила сразу.

- Так и так, брат дорогой.

Землю нашу, как заразу,

Поразил степной разбой.

Грабят, жгут и убивают,

В рабство грекам продают.

Люди родину бросают,

В дебри севера бегут.

И голодный, не пригретый

Вот брожу и там и тут.

И мои ведь тоже где-то
Под землею здесь живут.

- Кто такие?

- Те-то, те-то!

- Помню их, не позабыл.

Жаль расстались с белым светом,
Так сказать, в расцвете сил.

- А увидеться? - Темнила

Попросил. Шипит Кощей:

- Что ты? Что ты, братец милый!

Даже и мечтать не смей!

- Не положено – не надо! -

Домовой махнул рукой.

- Эх, ты, горюшко-досада!

Что же я за домовой?

Если дома даже нету,

Даже малого угла,

И кручусь по белу свету,

Как какая-то юла.

Затряслись Кощейа мощи.

- Я лишь сторож, не колдун.

Тут тебе я не помощник,

Тут поможет лишь Перун.

- Это, братец, мне известно.

А не можешь ли сказать,

До Перуна, интересно,
Это сколько же шагать?
- В общем так! Давай, Темнила,
Отдохни! Переночуй!
А на завтра, братец милый,
Из норы моей шуруй!
Расскажу тебе дорогу,
Где и как его найти.
Тут идти совсем немного.
Может, день аль два пути.

Спит Темнила крепко-крепко.
Видит сон, что стал он репкой.
Эту репку среди ночи
Кто-то тянет, что есть мочи.

4

Шли и шли они по лесу
День за днем. Неделя прочь.
Не до шуток стало бесу,
Не резвится во всю мочь.
Каждый думал на привале:
«Это что ж за маета!»
Ноги в кровь поразбивали,
И в желудках пустота.

Исхудали, тени словно.
Каждый до смерти устал.
Один раз медведь огромный
Их в лесу полдня гонял.
Крови попили немало
Комары да мошкара.
Наконец вдали предстала
Превысокая гора.
Над горой дымок клубился.
Значит, кто-то печь топил.
Как бесенок закрутился!
Как копытцами забил!
На горе дворец хрустальный
Весь сверкает и блестит.
Входят в зал они овальный,
Где огромный трон стоит.
А на троне дядька грозный.
Вот с такууущей бородой!
Смотрит он весьма серьезно.
И Темнила чуть живой
В ноги бух! Взглянуть не смеет.
Уж покаялся сто раз.
Так напуган, так робеет,
Даже звука не издаст.
Уж на что бесенок юркий,
Но и тот трясется так,

Как прохожий в переулке,
Испугавшийся бродяг.
Да и кто не оплошает,
Хоть какой он будь вертун,
Коль на троне восседает
Пред тобою сам Перун.

А Перун им:

- Не дрожите!

Я ж не волк. Я вас не съем.

По порядку расскажите,

Кто такие и зачем.

Поглядел на трон несмело
Домовой, но все же встал.

- Так и так... Такое дело...

Все, как было, рассказал...

- Вот беда-то! Вот досада!

Чтоб их этак и растак!

От меня-то что вам надо,

Не могу понять никак.

- Как? - Темнила удивился.

- Ты же наш верховный бог.

Пред врагами б появился,

Ну, и молнией всех сжег!

- Это где же вы видали, -

Молвит.

- Черт меня возьми!

Чтобы боги воевали,

Словно смертные, с людьми?

Не противники нам люди.

Это ж, братцы, все равно,

Если взрослый дядька будет

Биться с щуплым пацаном.

Я же битвою такую

Уроню авторитет.

Домовой вздохнул с тоскою:

- Ну, на нет и спроса нет.

Домовой затылок чешет.

- Значит, вот расклад каков!

Может, их богам навешать

Прехороших тумачков?

Испугаются их боги –

Тоже ведь не дураки!

А оставшись без подмоги,

Не полезут степняки.

Погорюют, порыдают.

Без богов-то каково?

И тебя они признают,

Стало быть, за своего.

- Ох, не то несешь, Темнила!

- Ну, опять не то... Беда!

- Чтобы бог да бога в рыло!

Осрамишься ж навсегда.

Мы ж должны служить примером,

Эталоном, так сказать.

И разумнейшим манером

Все конфликты разрешать.

Замолчали. Уж Темнила

В кровь затылок расчесал.

«И зачем же ты, дурило,

Столько месяцев шагал?

Для чего себя ты мучил,

Голодал и погибал,

Плыл по рекам, лез по кручам,

Мерз? – И кукиш увидал.

Эх, никто нам не поможет!

Пропадет славянский род!

Если сам верховный боже

К нам на помощь не придёт.

Как за печкой было славно:

И в тепле, и есть поесть.

И оказывали явно

Домочадцы все мне честь.

Почитали...»

- Слышь, верховный! -
Пропищал бесенок вдруг.
Хлопнул, топнул и нескромно
Подмигнул ему, как друг.
Зажужжал бесенок мухой
И к верховному бочком.
И давай шептать на ухо,
Подметая пол хвостом.
- Хоть малой, а шустрый дюже! -
Усмехнулся бог-отец.
- Говоришь, славянам нужен
Меч особый складенец?
- Совершенно верно, батя!
И как можно побыстрей!
И тогда вся эта братья
Убежит за сто морей.
Лишь взмахнешь мечом – и ну-ка!
Уничтожен вражий полк!
- Где же есть такая штука,
Не возьму никак я в толк.
- Ты же бог!

Но глас хвалебный
Оборвал Перун:
- И что ж?
Я лишь бог, но не волшебник!

И на мага не похож.

Приуныла наша пара.

«Вот тебе и бог-кумир!

Значит, все труды их даром?»

- Приглашаю вас на пир! -

Говорит Перун.

- И хватит

Ныть! Взбодритесь же чуть-чуть!

И с дороги дальней, кстати,

Не мешало б отдохнуть!

5

ПИР БОГОВ

Ешкин кот! Таких застолий

На земле не увидеть!

Зал огромный, словно поле!

А столов не сосчитать!

И чего здесь только нету!

Нет, пожалуй, тюри здесь,

Потому что тюрю эту

Здесь никто не будет есть.

Здесь такое изобилье,

Что любого удивишь!

Если б даже были крылья,

За день все не облетишь!

Поражается бесенок,

Хоть немало повидал:
На пирушках он с пеленок
Завсегдатаем бывал.
Видел всякие он яства,
Вина разные лакал,
Среди чинного боярства
На застольях он мелькал.

Вот затащен с жара с пыла
На подносе целый бык...
Вдруг в привычном шуме пира
Раздался и визг, и крик.
Что такое? С нетерпеньем
Все глядят на край столов,
Где с великим удивленьем
Видят драку двух богов...
Бьет по уху Велес Хорсу.
Хорс, ругаясь, тоже бьет
То по ному, то по торсу,
То вообще ногою пнет.
Вот за космы ухватились.
Ключья валяются с голов.
И, как мячик, покатались
С диким ором меж столов.
Семь столов они разбили,
Опрокинули сто блюд,

Быстро на ноги вскочили
И опять друг друга бьют.
И другие не стерпели.
Разыгралась в жилах кровь.
И удары полетели
В подбородок, в нос и бровь.
От сражения такого
Наш Темнила прочь бежит.
Побелел, не скажет слова,
Как осенний лист, дрожит.
А бесенку это в радость:
Драки любит, аки мед.
То щипнет, то крикнет гадость,
То кого-нибудь толкнет.
- Поддавай! - кричит бесенок.
- Веселись, честной народ!

Изо всех своих силенок
Кулаком кого-то бьет.
- Это что же за такое? -
Закричал Перун сквозь гам.
- Ну-ка вы живее двое
Разойдитесь по углам!

Ну, и сам всех по сусалам
Бьет верховный во весь дух.

Наконец потише стало.
Бой, как будто бы, затух.
Как нашкодившие детки,
Хорс и Велес по углам.
И кровавые отметки
Ярко светят тут и там.
- Как не стыдно? Пред гостями
Опозорили меня!
Вот бы высечь вас плетями!
Вот бы всыпать вам ремня!
И чего вам не хватает?
Что за драки за столом?

И Перун им угрожает
Вот такущим кулаком!
- Лучше пейте! Лучше ешьте!

Строгим взглядом зал обвел.
- Ну-ка, певчие, потешьте!
Что-то стал унылым стол.
ХОР

Хорошо богам живется –
Знают люди всей земли.
Сытно естся, сладко пьется.
Ай-люли-люли-люли!
Если смертному что надо,

Их о милости моли!
Может ждет тебя награда.
Ай-люли-люли-люли!
Путь заблудшему укажут,
Возвращают корабли.
Но порою и накажут.
Ай-люли-люли-люли!

6

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Сосны, ели, груздь, опенок...
Лес и лес, и лес, и лес...
В путь отправился бесенок,
Возвращается же бес.
Все такой же заводило,
Озорник, шалун, пострел.
Сколько шалостей Темнила
От него перетерпел!
Но его не судит строго,
Не кричит на шалуна,
Так как дальняя дорога
С ним уже не так длинна.
Всю страну прошли. И что же?
Чтобы драку видеть их?

Нет! Никто нам не поможет,
Кроме, значит, нас самих.

Лес все реже. И сильнее
Звери всякие спуют.
Греет солнце горячее,
Птицы весело поют.
Жизнь в стране суровой, дикой
Домовому не нужна.
На божественные ж лики
Нагляделся он сполна.

В день (в какой же не припомню.
Кто считает их в пути?)
Солнце сразу стало темным.
Тьма сгустилась. Как идти?
До земли деревья гнутся.
Хруст и треск и там, и тут.
Домовой и бес трясутся.
Что такое не поймут.
Зашуршали всюду змеи,
Пни, как раки поползли.
Голова на длинной шее
Поднялась из-под земли.
Глазом угольным округу
Оглядела не спеша.

Бес с Темнилою с испугу
В землю вжались не дыша.
А чудовище, разинув
Пасть, явило сто рядов
Желтых, острых и предлинных
Частокол своих зубов.
И двойной язык из пасти,
Шебарша, ползет вперед...
Что же это за несчастье?
Что же это за урод?
- Что, Темнила, испугался?
Что, бесенок, обомлел?
Я давно вас дожидался, -
Змий огромный прошипел.
- Ну, зачем ходить к Перуну?
Вам не он, вам нужен я.
Я могучей всех! Лишь плюну,
Волны хлынут на поля.
Все моей покорны воле
На земле и под землей.
Лучше нет на свете доли,
Чем на службе быть моей.

Тут бесенок-забияка,
Приподнявшись, закричал:
- Что за служба-то однако?

Ты б подробней рассказал!
- Все увидите вы сами! -
Начал громко Змий шипеть.
И разверзлась под ногами
В тот же миг земная твердь.
Бес с Темнилой полетели
В эту страшную дыру.
Закричали, засвистели:
- Ой! Помедленнее! Тпру!

Но на счастье не разбились
(К смерти каждый был готов!),
Как на вату, приземлились
Без ушибов, синяков.
Отряхнулись, огляделись
Два товарища кругом.
Грот огромный. Что за прелесть!
Значит, вот он Змиев дом!
Зал огнями осветился.
Мерзость прет со всех сторон.
Сверху медленно спустился
С жутким гадом царский трон.
Упыри, клопы с собаку,
Жабы, вурдалаков рать
Закричали, лезут в драку,
Чтоб поближе к трону встать.

И зловоние такое!

Задохнуться можно тут.

Стушевались два героя.

И вот-вот блевать начнут.

- Род людской – мой враг заклятый.

Ненавижу эту ржу!

Послужите мне, ребята,

Я вас щедро награжу!

- Как служить-то? - рек Темнила.

- Объясни-ка! Не пойму.

- Ты не корчи здесь дебила!

Сам ведь знаешь, что к чему!

- Как нам знать, правитель ада!

- Выше ставь! Я царь и бог!

Да, когда мне было б надо,

Уничтожить все б я мог!

- Не пойму я, царь великий.

Видно вовсе я тупой.

Ну, зачем тебе, владыка,

Бес и жалкий домовой?

Мы ж ничтожества, мы мошки.

Где же нам дела творить?

Нам лежанку б да кормежку

Да чуть-чуть подпакостить.

Я вообще запечный житель.

Там за печкой я король.

А на подвиг, повелитель,
Не способен я. Уволь!

Змий хвостом трясет сердито,
С языка струится яд.

Твари жмутся у корыта

И, толкаясь, верещат.

Бесу где тут удержаться!

Тараторит тоже он:

- Если честно признаваться,

Я болезнью поражен.

И болезнь такого свойства,

Что совсем пропащий я.

Нервов страшное расстройство

Приключилось у меня

Не могу никак на месте

И минуты посидеть.

Надо мне куда-то лезти,

Надо прыгать, надо петь.

То залаю я собачкой,

То шиплю я, как змея...

Слышал я, болезнь вертячкой

Прозывается моя.

- Хватит! Все! Мне надоело!

Изогнулся Змий дугой.

- Вон из моего предела!
Убирайтесь с глаз долой!

Тут же два крылатых гада
(Не успел и пикнуть бес)
Отнесли куда их надо,
То есть в тот же самый лес.
Тут же оба дали деру.
Лучше нет кнута, чем страх.
Вроде катятся под гору,
Только шум стоит в ушах.
Сколько верст они промчались,
Дать ответ бы не смогли.
Полежали, отдышались
И вперед опять пошли.
- Вот они места родные! -
Закричал в восторге Бес.
- Ах, вы, сосны дорогие!
Ах, ты мой любимый лес!

Стал качаться он на ветках,
Прыгать стал через кусты,
В домового шишки метко
Он бросает с высоты.
- Перестань! - ворчит Темнила.
- Надо ж меру шуткам знать!

Попадешь вот в глаз, дурило!

Поумней бы надо стать!

- Вот он дом! Сюрприз для бати

Приготовлю я сейчас!

Почему тебе бы, кстати,

Не остаться-то у нас?

У тебя ведь дома нету.

А ведь осень на носу!

Чем вот так бродить по свету,

Лучше с нами жить в лесу.

Жизнь здесь ай-лю-ли малина!

Жрешь от пуза круглый год!

Никакая образина

К нам сюда не доползет!

- Так-то так! - вздохнул Темнила.

- Ох, ты горюшко-беда!

Хоть в лесу совсем не мило,

Но податься-то куда?

Подошли они к избушке,

Ветхой, темной, бревенной,

И с седой, как у старушки,

Древней крышей-головой.

Двери настежь в дом раскрыты.

Бес ступил через порог.

Паутиной перевиты

Все углы и потолок.

Нет и запаха жилого.

И захныкал жалко Бес:

- Что ж случилось здесь такого?

Где ж ты, батюшка, исчез?

- Может, конный или пеший

Враг напал? Да не один!

Только как же? Он же Леший!

Он же леса господин!

- Надо нам с Бабой-Ягою

Повидаться сей же час.

Та расскажет, что такое

Здесь произошло у нас.

И опять бредут по лесу.

Разбурчался домовой:

- Половину сбросил весу

В путешествии с тобой.

Вон как кости выпирают,

Как у дохлого коня.

И за что же так пытаются

Боги грозные меня?

Эх, за печку бы забраться!

Ни о чем не горевать!

Отсыпаться, отъедаться,

По ночам озоровать...

Вот и кончилась дорожка.
Встали оба и глядят.
Где ж изба на курьих ножках?
Только бревнышки лежат.
Уж за ели вековые
Скрылось солнышко с небес.
И присев на пень, впервые
Зарыдал, как баба, Бес.
Слезы катятся по щекам,
Плач не может он унять.
- Где ж ты, тятя? – с тяжким вздохом
Вопрошает он опять.

ПТИЦЫ

Никогда не видел лес,
Чтоб навзрыд заплакал Бес.

ПЛАЧ БЕСА

Ох ты, батя! Ох ты, тятя!
Ой, ты, леший, лесовик!
Ты страшней любого татя!
Ты злонравен и велик!

Где же ты, отец родной?
Где твоя сторонка?
Аль оставил сиротой
Своего бесенка?

Если б встретил ты меня
У избы, у хаты,
То припал к груди бы я
Черной да мохнатой!
Рассказал бы я тебе,
Как в стране далекой,
У богов был на гульбе
На горе высокой.

Эх-хе-хе-хе-хе-хе-хе!
Что же делать нонче мне?
Словно ежик я в ухе.
Жизнь моя закончилась.
Был я весел и игрив,
Энергичен и красив,
Прыгал, бегал и скакал,
Всё, что мог, от жизни брал.
Было всё вокруг прекрасно:
Речка чистой, небо ясным,
Никаких тебе забот!
Пой! С русалками целуйся,
С бесенятами целуйся
Да криви в усмешке рот!
Нет уж жизни прежней боле.
Распирает горечь грудь.

Не в моей, я знаю, воле,
Чтоб на старое свернуть.
Где ж ты делась, бабка Ежка?
Где же батю отыскать?
Хоть бы краешком немножко
Вас бы снова увидеть?

Плачет Бес. Катятся слезы,
Подбородок мокрый стал.
Ну, никак такой угрозы
Для себя не ожидал.
Уж Темнила так и этак:
- Ну, чего ж? Не плачь, дружок!
- Если б тятюку напоследок
Я б еще увидеть мог!
Не смотри, что тятюка страшный.
Может, тоже он любить.
Он нисколько не опасный,
Коль его не разозлить.
Кто же дом его порушил?
Как он это допустил?
- Хватит ныть! Меня послушай!
Что ты нюни распустил?

Громко каркнула ворона:

- Ну, чего ты тут ревешь,
Словно маленький ребенок?

Спать детишкам не даешь.

- Эх, ворона, друг мой верный! -

Бес качает головой.

- По всему видать, наверно,

Я остался сиротой.

Что случилось с тяткой, с маткой

В заповедном их лесу?

Тяжело вздохнув, украдкой

Бес опять смахнул слезу.

- Что случилось? Что случилось?

Кар! Не знаешь, что ль, дурак?

Все у нас переменялось,

Все у нас теперь не так.

- Что ж случилось? Лишь полгода, -

Отвечает домовой, -

Из далекого похода

Возвращались мы домой.

- Кар!

Совсем вы не слышали,

Что была здесь за борьба?

- Да откуда ж? В эки дали

Нас забросила судьба.

Тут ворона опустилась,
Муху склюнула с крыла,
Встрепенулась, ободрилась
И рассказ свой повела.

РАССКАЗ ВОРОНЫ

В славном стольном Киев-граде
Держит власть Владимир-князь.
Он старинной веры ради
Хоть кого затопчет в грязь.
На крутом днепровском берегу
Город идолов воздвиг.
Видят даже печенеги
Из степи их грозный лик.
Чтоб грядущее разведать,
Собирал совет жрецов.
- Будет князю ли победа? -
Вопрошали у богов.
Возвращаясь из похода,
Князь дары в чертог везет.
При стечении народа
К изваяньям их кладет.
Был здоров, цветущ... И что же?
Заболел вдруг, занемог.
Встать с постели он не может,

Будто бы лишился ног.
Вкруг него жрецы колдуют
Шумной пестрою толпой,
Бьют в щиты, на воду дуют...
Только пользы никакой.
Уж руки поднять не может,
Не кивнет уж головой.
И тоска такая гложет
Сердце храброе его.
И заморский фряжский лекарь
Врачевал и так, и сяк.
И из Персии приехал
Самый знаменитый маг.
Но однажды ранним утром
У ворот дворца возник
Малый ростом, с взглядом мудрым
И седой, как лунь, старик.
- Пропустите! - к страже молвит.
- Знаю я один завет.
Коли князь его исполнит,
Проживет немало лет.

Провели в опочивальню.
Может, правду дед сказал?
Здесь безмолвный и печальный
Князь, как лучик, угасал.

Взял в ладони князя руку.
Тихо начал князь стонать.
А старик склонился к уху
И давай ему шептать.
Что шептал, никто не знает...
Через сутки хвори нет.
Князь поднялся, созывает
Во дворце своем совет.
За столами восседает
Вся дружина. Лучший люд!
Каждый князя поздравляет.
Слуги кушанья несут.

- Други! – молвил князь великий.
Над столом поднялся он.
И тотчас умолкли крики
И питейных чашек звон.
- Веря в ложную химеру,
Нам великими не стать.
Надо истинную веру
Нам немедленно принять.

Тут воскликнул воевода,
Что от князя в двух шагах,
Весь израненный в походах,
Смел и в брани и в словах.

- Что-то, княже, не пойму я
Суть того, что ты сказал.
Веру древнюю, святую
Ты химерою назвал?
А не ты ли истуканов
Повелел установить,
Где неверных, как баранов,
Режут дух их усытить?

Возразил ему дружинник:
- Князя одобряю я.
Так, как мы доныне жили,
Больше , други, жить нельзя.
Я, друзья, хотел бы дядю
Вот о чем сейчас спросить:
«Может одного дитятю
Сразу десять жен родить?»

Стар и млад развеселился.
Воевода хохотнул:
- Аль ты разума лишился?
Вот загнул так уж загнул!
- И земля – творенье. Только
Всеобъемлюща. Все в ней.
Почему ж у чада столько
И отцов и матерей?

Есть отцы у плеч, ладоней,
У волос, у живота,
У крови, что сердце гонит,
У ушей, у глаз, у рта...
- Что ты чушь несешь, племянник
Ничего я не пойму!
Ведь отец один! Начальник
Он творению всему.
- Ты, конечно, прав. Так что же?
Вывод-то тогда каков?
Бог един. И быть не может
Никаких других богов

Закричал Твердил-боярин,
Сжав до боли кулаки:
- Это что ж выходит, парень,
Наши предки – дураки?
- Не о том же я...
- Не якай!
Молод больно рассуждать!
Дай лишь волю, будет всякий
Веру предков порицать.
Цыц! Размажу , словно кашу,
На кусочки порублю!..
Будем пить! Про веру нашу
Болтовни не потерплю!

Каждый в сечи за другого
Жизнь немедленно б отдал,
А теперь же, как на злого
Неприятеля, восстал.
За грудки берут друг дружку.
Крики, вопли, ругань, стук!
И пускают другу юшку
Самый лучший его друг.
Тут такое закипело,
Что немного подождать,
И ножи б пустили в дело
Кровь друг другу отворять.

.Князь поднялся. Забияки
Попритихли, видя это.
- Я собрал вас не для драки,
А для мудрого совета.
Еще совсем-совсем недавно
Я смерть готовился принять.
Старик, неведомый и славный,
Явил мне Божью благодать.
Он говорил совсем немного,
Но не забыть мне этих слов:
«Коль веру в истинного Бога
Я обрету – воскресну вновь».

- А может, ты и прав! Конечно,
В почете должен быть отец.
Но предки тоже не безгрешны
И не во всем нам образец.
- Мне тоже любви князя речи.
И братьям дал бы я совет:
Упорство хорошо на сечи.
И то порой приносит вред.
- Пусть будет так, как князь глаголет!—
Кричит тщедушный старичок.
- К тому же, нас никто неволит.
Хоть в Бога верь, а хоть в горшок.

И вот заморские явились
Послы во стольный Киев-град.
Своею верою хвалились,
Как земледелец хвалит сад.
Что ни посол, то ритор пылкий!
Так все распишет – благодать!
Скребут советники в затылке:
Так , видно, правды не узнать.
- Пускай, бояре,- рек Владимир,-
За море едут сей же час!
Гораздо лучше раз увидеть,
Чем что-то слышать много раз.

Посылает князь послов
В Рим, Царьград и Палестину,
Чтобы веру тех краев
Изучили чин по чину.
И в халифские края,
Где аллахом всяк клянется...
Бог один, как и земля,
Лишь по-разному зовется.

И возвратившись в стольный град,
Послы подробно рассказали,
Какую веру и обряд
В далеких землях увидали.
И в душу больше всех запал
Рассказ о вере православной,
Той, что в Византии державной,
Великий Константин признал.

- Вступишь в храм Святой Софии –
Попадешь в небесный град.
Здесь апостолы, святые
На тебя кругом глядят.
Тихо ангелы порхают.
Неземные голоса
Богу славу воспевают.
Благолепие! Краса!

Все увидели воочью:
Счастье рая, ужас тьмы.
И крестились той же ночью.
Христиане ноне мы.

Тут же князю рассказали
Про страдания Христа:
Как пытали, как распяли
И как мертвого с креста
Сняли и похоронили.
А потом воскрес Христос,
Смертью смерть поправ...
И были
Их глаза влажны от слез

И выбрал князь.
И летним днем
Народ собрался над Днепром.
И было столько люду – страсть!
Что негде яблоку упасть!
И заявил Владимир так:
«Кто не придет, мне будет враг».
Зашли все в воду и крестились,
И Богу новому молились.

Волхвов из Киева изжили,

И капища огнем пожгли,
Под корень идолов срубили,
Потом на щепки посекали.
Перуна ж в Днепр затолкали,
Отправили в далекий путь.
У берегов с баграми встали,
Чтоб не приткнулся где-нибудь.
Как порушение такое
Терпеть и духам, и богам?
Не стало больше им покоя.
Везде дают им по рогам.
Дружинники тут проезжали
И завернули в наш лесок.
И батьке так накостыляли,
Что еле ноги уволок. сожгли избу на курьих ножках.
Мол, так ей, ведьме, поделом!
Ах, где ж ты, где ж ты, бабка Ежка?
Куда летаешь с помелом?
Поймали в невод Водяного.
Едва улег он чуть живой.
Как басурманина какого,
Лупили веслами его.
Как! Кар! Все ваши разбежались:
В тайгу, в болота... Кто куда!
Так что, ребята, зря старались!
Из экой дали шли сюда!

Сидят два друга на пенечке.
Потряс вороний их рассказ.
- Ну, все! Счастливые денечки
Теперь закончились для нас.

И Бес махнул мохнатой лапой.
- Ну, жизнь настала – ай-лю-ли!
И нам пора туда же чапать,
Пока нас здесь не загребли.
Ну, что ж... вставай, товарищ милый,
Единственный и дорогой!
- Я не пойду!- сказал Темнила.
- Я ж не ходок, я ж домовой.
- Но жизни здесь тебе не будет.
Шпынять начнет любой мужик.
- Ты уж прости! Я все же к людям.
Я жить в болоте не привык..
Мне надо же тепло и сухость,
И запах пирогов и щей.
Мне надо разговоры слушать.
Ну, не могу я без людей.

Снова домовой за печкой.
Шерстка гладкая, как шелк.
Бьется радостно сердечко.

До чего же хорошо!

Спит весь день. Как ночь настанет

(Тихо. Люди лягут спать),

Домовой проснется, встанет

И отправится гулять.

На столе хозяйка чашку

Оставляет каждый раз.

Иль похлебку, или кашку,

Ломоть хлеба, терпкий квас.

Подкрепившись же, Темнила

Молча избу обойдет.

Иль щипнет, иль спрячет шило –

Пусть старик его найдет.

Выйдет и не скрипнет дверью

(Как никак все ж домовой!),

Встанет, смотрит на деревню,

Дышит свежестью ночной.

Лишь бы было тихо-мирно,

Лишь бы не было войны!

Да была скотина жирной!

Да хозяева смирны!

Обойдет овин и ригу.

Спит корова, спит овца.

Если нет, притащит мигом

Для лошадки он сенца.

На качелях покачаться.

Вот захватывает дух!
Только гуси раскричатся.
Все услышат. Вот уж слух!
Надо встретиться с другими.
Посидеть, потолковать.
Ведь общаясь с домовыми,
Столько можно разузнать.
Подойдет, заглянет в будку.
Дрыхнет пес сторожевой...
Прокричал петух побудку.
Что ж... пора и на покой!

СКАЗ О ФОМЕ-БОГОМАЗЕ

Как-то выбрался Темнила
Из-за печки в поздний час
И застыл в недоуменье:
Почему горит лучина?
Пригляделся он, прищурясь,
Так как что-то плоховато
Стал в последний год он видеть.
Пред лучиною склонившись,
Видит он, сидит Фома.
Сын хозяйский, отрок юный,
Лет пятнадцати, не больше.
Он к юнцу подкрался тихо.

И стараясь не дышать,
Заглянул через плечо.
Что ж Фома такое деет –
Домовой понять не может.
Пред Фомой доска большая,
А на той доске чудесный
Нарисован чей-то лик.
Муж прекрасный, с тонким носом,
Шелковистыми власами,
С бородой, в одежде темной,
А вокруг его главы нимб золотой
Горит, как солнце.
Показалось домовому,
Что лучи его струятся
И рассеивают мглу.
Где Фома коснется кистью,
Там доска живою станет,
Заиграет новым цветом.
Оторвать не может взгляда:
Волшебство пред ним творится.
И не знал о том Темнила,
Что Фома который год
Учится у богомаза,
Грека, что на Русь приехал
Богом данному искусству,
Что уже он научился

Выбрать правильную доску
Без малейшего изъяна
И с особым животворным
Соплетением волокон,
Что уже Фома умеет
Приготовить эту доску
Так, чтоб цвет ложился чисто,
Чтоб на ней играли краски,
Чтобы нимб горел, как солнце,
Чтоб не ел ни жук ту доску,
Чтобы плесень не ложилась,
Чтоб не трескалась на солнце,
От годов бы не темнела,
Что умел Фома искусно
Добывать любую краску,
И ему открыта тайна
Их гармонии небесной,
Что умел смешать он краски,
Чтоб как можно достоверней
Передать святые лики,
Что постигнул он каноны
Росписи иконописной,
Знал символику пропорций
И цветов, и построенье,
И откуда что берется.
То, что долгими годами

И бессонными ночами
Постигает муж разумный,
Он осваивал за месяц,
За неделю, за часы.
И порой без поученья
Доходил умом своим
Этот худенький мальчишка
До великих откровений.
Не прельщали его игры.
Днем, от всех уединившись,
Над иконами сидел он.
«Вот он Бог, Святой и Правый,
На меня глядит сейчас,
Он меня благословляет,
Он в меня вселяет силу», -
Так Фома шептал порою.
И о нем уж говорили:
«Не от мира он сего.
Из него не будет пахарь,
Из него не будет воин,
Ни кузнец, ни гость не будет.
Ни от мира он сего.
А Фома уж твердо верил
В путь особый свой. В служенье
Господу он видел смысл.
И еще Фома уверен,

Что другим помочь он должен
Красоту увидеть Божью,
Ту, что души очищает...

«Так значит вот он Бог каков!
И не похож на тех богов,
Которые в дворце хрустальном
В краю неведомом и дальнем
С таким размахом пировали,
Дрались и пели, и плясали.
Перун же – самый главный бог,
Как воин, видимо, не плох.
И мудр он, и грозен он,
Да только доброты лишен.
Он глыба, полон он страстей,
Но нет любви, как во Христе,
Нет состраданья, соучастья,
Со-чувства нет и со-причастья.
О Хорсте, Велесе и Роде
И говорить не стоит вроде.
Они владыки и тираны
И холодны, как истуканы.
Бойтся их любой и всякий,
Пред ними все простерлись в страхе.
Теперь иного вижу Бога,
Как будто бы отца родного.

И всё живущее на свете –
Всё это плоть его, всё дети».

Фома внезапно обернулся

И прошептал:

- Ты кто такой?

- Как кто?-

Темнила поперхнулся.

- Я... это... вообще домовой.

Живу я здесь. Днём сплю за печью.

Вылажу ночью на простор.

И потому и не замечен

Я был людьми до сих пор.

Живу, как будто за оградой.

Встречаться с вами мне нельзя.

А вот сегодня... это ж надо!

Опарафинился так я!

- Да мне-то что... Живи, не жалко.

Но я-то думал, что сейчас

И домовые, и русалки,

И лешие ушли от нас

В болота, к Гогу и Магогу ,

Где вовсе люди не живут.

Они ж терпеть креста не могу,

Они же от креста бегут.

- Это так!- кивнул Темнила.
- Разбежались кто куда.
От креста воротят рыло
Да вопят: «Беда! Беда!»
Только тут такое дело –
Соглашайся или нет –
Не судить бы внуку деда,
Что в иное верил дед.
Жизнь-то не стоит на месте.
Уж не мне ли это знать:
Я ж прожил уже лет двести
Или даже двести пять».

Говорил Фома с Темнилой
Почитай что битый час:
И про то, как раньше было,
И про то, как есть сейчас.

ПОЭМА О ЧУДЕСНОЙ ПУГОВИЦЕ

КАК ЗАКОНЧИЛАСЬ СТРАДА

Затянулось бабье лето.
Травы сохнут на жаре.
В первый раз за многи лета
Всё убрали в сентябре.

- ЗАО наш достиг рекорда.
Урожайность будь здоров!-
Говорит директор гордо.
- С га по десять центнерОв!

Получил получку Толя
И решил махнуть в райцентр,
Прикупить там алкоголя
И жене с детьми презент.
Вышел он. Надвинул кепку.
И его людской поток
Тут же подхватил, как щепку,
И на рынок уволок.
Хоть не пил, а как в угаре,
Это ж просто суший ад,
Потому что на базаре
Был пятнадцать лет назад.
Ну, сидели там старушки
Да бродил цыган-гусар...
Майки, джинсы, погремушки...
Можно весь скупить товар.
Как-то раз свинью забили.
Он решил ее продать.
За полдня мясца купили
Человек, наверно, пять.
Он тогда ругался долго.

Чтоб еще сюда? Ни в жизнь!
Да позвал родню бы только,
Съели б всё и напились.
Вот что значит жить в деревне:
Поле – ферма – сеновал...
Вроде б он еще не древний,
А от жизни как отстал!
Это же столпотворенье!
Это ж форменный бардак!
И несет его течение,
И не вырваться никак.

Видит Толик магазинчик,
Неказист и небогат.
«Может, там найду гостинчик
Для жены и для ребят».
Он локтями пробивает
Путь к обшарпанной двери.
Хвать за ручку! Открывает.
Наконец-то он внутри.
Огляделся. Неказисто.
Хуже, чем сельмаг в глуши.
Но уютно здесь и чисто,
И народа ни души.
У стены стоит прилавок.
На него он бросил взор.

Ниток, ленточек, булавок,
Разных пуговиц набор.
На стене висят фуражки,
Шляпки, кепки из сукна,
К ним приколоты бумажки
И фломастером цена.
В уголке журнальный столик,
Сороковки тусклый свет...
«Для меня,- вздыхает Толик,
- Здесь товару точно нет»,
- Как же так? – раздался голос.

Повернулся. Старичок
В кацавейке, редкий волос,
Губы ниткой, нос крючок.
И глядит он как-то странно,
Глазом чуть кося одним.
Не агент ли иностранной
Контрразведки перед ним?
Толик наш заменжевался,
Губы молча пожевал
И спиной к дверям подался.
Вроде не туда попал.
- Я прошу у вас вниманья!

К стойке Толика подвел,

Где висели в ожиданье
Покупателя из сел
Куртки старого пошиба
И штаны для стариков.

Толик буркнул:

- Нет! Спасибо!

Я к такому не готов!

- Погодите! Погодите!

И старик за локоток

Взял его.

- Ну, хоть возьмите

Что-нибудь на пяточок!

Толик локоть отстраняет.

«Что еще за детский сад?»

Дверь наружу открывает.

Постоял... Шагнул назад.

Старичок чуть-чуть не плачет.

Венчик встал над головой.

- Ну, и что всё это значит?

Ведь товар не ходовой.

Кто возьмет вот эти куртки?

Только бомж и эскимос.

Ты бы, дед, все эти шмутки

На помойку бы отвез.

Торговал бы лучше водкой,
Чем торчать тут задарма.
Там же заработок четкий!
Век прожил, а нет ума.
Вот моя кума, к примеру,
Так на водке поднялась!
Мужа бросила, Валеру,
И в столицу подалась.
Приезжала к нам в деревню.
«Мерседес», шофер-лакей...
Сколько листьев на деревьях,
Столько золота на ней!
Ладно, батя! Не обижу!
Я ж крестьянин, не злодей.
Хоть здесь нужного не вижу,
Так и быть, дам сто рублей!

Протянул ему купюру...
Пусть хоть купит молочка!
А не то загнется с дуру!
Что возьмете с дурачка?
- Благодарствуйте, товарищ! –
Говорит старик-чудак.
- Деньги только за товары
Я беру, не просто так.
- Ну, тогда... Ну, что же, старый!

Палец по стеклу ведет.
- Дай мне пуговиц две пары!
Для хозяйства всё сойдет.

Сунул пуговицы эти
Он в карман и вышел вон.
Старики – они, как дети,
Им не писан наш закон.
Сделал все свои покупки,
Водкой сумку нагрузил,
Для жены своей голубки
Сковородку он купил.
«Сколько лет уже подарков
Ей не делал!» - думал он.
Сел в автобус. Тесно. Жарко.
Позевал. И сразу в сон.
И почти до переезда
Продремал. Глаза открыл.
Что ж... поездкою полезной
Он весьма доволен был.
И Галинка сковородку
Похвалила:
- Молодец!
Ну, теперь блины в охотку
Буду стряпать наконец!

Дочкам сладости вручает,
Шоколадки, то да сё.
Холодильник загружает
Он бутылками. Ну, всё!
Снял парадное. В сторонке
Сигареткой подымил.
Натаскал воды с колонки,
Быстро баньку растопил.
А пока топилась банька,
Сделал он бензопилу.
«Вот теперь попарюсь дай-ка
Да помоюсь – и к столу!
Отведу сегодня душу
За всё лето – ё-моё!»
А жена относит мужу
В баню чистое белье.
Дверь открыл, обдало жаром.
Он решил парку поддать.
И давай в азарте яром
Тело веником хлестать.
Красный весь, как флаг советский,
Выскочил из бани он.
Улюлюкая по-детски,
В огород бежит в баллон.
Прыгнул в воду ледяную.

Пар клубится. Благодать!
Как попаришься, в такую
Воду надо залезать.
А потом опять в парилку
И опять себя лупить.
Сдвинул шапку лишь к затылку,
Чтоб мозги не смог не сварить.
Он в предбанник выползает,
Растянулся на скамье.
Баня тихо остывает,
Чтобы вымыться семье.
А потом помылся Толик.
Легкость в теле – хоть летать!
А теперь уже за столик,
Чтоб законное принять.

Он трусы надел в цветочек
(В плавках не любил ходить).
Ну, пора-пора, дружочек,
Душу сверху оросить!

Галка борщ уже сварила.
Он заходит. В тот же миг
Стол для ужина накрыла.
Пусть расслабится мужик!
- С легким паром! – чуть не хором

Прокричали, как должны.
Отдуваясь, словно боров,
Он проходит.
- Дай штаны!

Галя, сложенные вдвое,
Извлекла штаны на свет.
Надевает. Что такое?
- Галка! Пуговицы нет!
- Ой, сейчас пришью!

Иголку
С ниткой Галя достает.
В трельяже глядит, на полку.
Пуговицы не найдет.
То большие, то, как кнопки.
Ну, никак не подобрать.
Позабыв про борщ и стопки,
Толик начал психовать.
Всё же курица – не птица.
На жену он обозлен.
Уж готов заматериться.
Тут – бабах! – и вспомнил он.
- Ну-ка! Ну-ка!

Лезет в куртку

И попку достает.
Покупал-то вроде в шутку,
А понадобилось вот!
Галя пуговицу быстро
Пришивает и бежит
Вновь на кухню.
Как министра,
Обслужить его спешит.
Хоть не бил ее ни разу,
Не старался воспитать,
Но привыкла быстро, сразу
Прихоть мужа исполнять.
Так учила ее мама:
«Мужу надо угождать.
И не нужно быть упрямой,
И характер свой казать».

Сел за стол. Наполнил стопку.
Хлобыстнул и побледнел.
А потом согнулся в скобку,
Покраснел и захрипел.
- Что с тобой? – летит Галина.

Ойкать стала, хлопотать.
Дорогая половина
Ей не может отвечать.

И надув шарами щеки,
Покраснел весь, сам не свой,
Рот раскрыв, изверг потоки
Прямо на пол под собой.
- Отравили! – завопила
Сердобольная жена
И бежать собралась было
Уж до фельдшера она.
- Погода ты егозиться! –
Прохрипел он.
- Ну, дела!

А пока ходил он мыться,
Всё на кухне убрала.

ВОЛШЕБНАЯ НОЧЬ

В дом зашел, берет бутылку
И – к помойному ведру.
- Рано мне еще в могилку!
Не дождетесь! Не умру!
Мне еще девчат пристроить,
Внуков надо покачать!
От тебя же мне не стоит,
Дорогуша, счастья ждать.
А чего возьмешь от зелья?

Здесь добра и капли нет.
Разоренье да похмелье,
Что не мил весь белый свет.

Галя даже побледнела.
Что случилось, не поймет.
У стола она присела
И сидит, раскрывши рот.
Чтобы целую бутылку
Взять и вылить! Каково?
Может, кто-то по затылку
Тюкнул в городе его?
Гале даже страшно стало.
Не случилось ли беда?
Ведь такого не бывало
С ее мужем никогда.
Толик борщ за обе щеки
Навернул.
- Благодарю!

Встал, веселый и высокий.
- Телевизор посмотрю.
Что там в мире-то творится
Уж давно я не смотрел.

На диванчике ложится.

Через час он захрапел.

Спят девочки. Спит Галина.

Спит у печки рыжий кот.

А мужская половина

Просыпается. Встает.

Усмехается в окошко

Полнощекая луна.

Потихоньку, понемножку

В спальню он. Сопит жена.

И лицо при лунном свете

Так прекрасно у нее.

- Красивей ты всех на свете!

Ты сокровище моё!

Шепчет в ушко ей, целует.

Отодвинется. Вздохнет.

То на локон ей подует,

То по шейке проведет.

Одеяло отодвинул.

Стал сорочку поднимать.

А когда коленки минул,

Стал ей ноги целовать.

Продвигается всё дальше.

Как огонь, горячий стал.

«Почему же это раньше

Я совсем не замечал?»

- Ой! – Галина напугалась.

Что случилось, не поймет.

Ей сначала показалось,

По ноге змея ползет.

- Тише ты! Разбудишь девок!

Ей закрыл губами рот.

И целует то и дело

И руками тело мнет.

- Ты такой горячий, Толя!

Может, в городе простыл?

Как тебя от алкоголя

Пронесло!

- Да я забыл!

Ну, и ты забудь про водку!

Фу! Противно вспоминать!

Я тебя, мою красотку,

Лишь хочу ласкать... ласкать!

Гладкая какая кожа,

Глазки, носик, щек овал,

Ушки, губки....

Пыл умножа,

Всю ее обцеловал.

Не поймет никак Галина.

Или это просто сон?
Словно бы другой мужчина
С ней в постели, а не он.
Никогда таким он не был.
Сделал быстро и храпеть.
Это же земля и небо!
Птицей хочется взлететь!
Вся она затрепетала,
Вся желания полна.
И по телу пробежала
Наслаждения волна.
И ему, теряя силы:
- Я тебя не узнаю!
Словно бы сейчас, мой милый,
Побывала я в раю!

Толик шумно отдышался.
- Сам не знаю, что к чему!

И за дело вновь принялся,
Словно двадцать лет ему.
Ну, а Галя, стиснув зубы,
Стонет. Будет ли конец?
То он нежный, то он грубый,
То он ангел, то самец.
Встанет, сбегает на кухню,

Принесет воды стакан.
Полежит. Опять набухнет.
И вперед, как на таран!
- Да нельзя же столько, Толик! –
Галя станет укорять.
- Ты совсем рехнулся что ли?
Так же можно дуба дать!

В общем, просто невозможно
Эту ночку описать!
Встали утром они поздно
И давай вдвоем считать...

ПЕРВЫЙ ТРЕЗВЫЙ ВЫХОДНОЙ

Как оно всегда бывало:
Выходной – про всё забудь!
Толик всякое бухало
Принимал тогда на грудь.
В выходной себя покажет,
Только что своих не бил,
Пил, пока пластом не ляжет,
До потери пульса пил.
Понедельник – день тяжелый
И работа не идет.
Толик черный, невеселый,

На работе мрачно пьет.
Чтобы не опохмелился?
Да такому не бывать!
Сколько премий он лишился,
День сидеть – не сосчитать.
А теперь проснулся рано,
На крыльцо выходит он,
Бодрый, радостный, не пьяный,
Бурной ночью утомлен.
В дом заходит.
- Ну-ка, Галка!
Завтрак быстро подавать!

Ничего-то ей не жалко
За ночную благодать.
Тут колбаски бы хорошей,
Сыр на стол да холодец!
До чего же он хороший,
Чудо-юдо молодец!
Если б знала про такое,
Закупилась бы вчера.
Здесь же правило простое:
Любит муж – жена добра.
К мужику, как ключик, пища.
Если сыт, доволен всем.
- Ну, чего ты суетишься? –

Говорит.

- Тебя я съем!

Борщ, мясное, ложку, вилку,

Хлеб, горчицу подала

И холодную бутылку

Ставит посреди стола.

- Это что еще такое?

Разве я тебя просил?

Выливай ее в помой!

Даже видеть нету сил.

Навернул борща тарелку,

Потянулся и встает.

- Эх, сейчас бы нам в постельку!

Только дел невпроворот.

- Но сегодня ж воскресенье.

Отдохнул бы! Что уж там!

- Это девочкам варенье!

А мальчишкам дуракам

Толстой палкой по бокам.

Одевается, выходит,

Не плюется, не дымит.

Мотоцикл свой заводит

И в ближайший лес летит.

То березку, то осинку
Пилит он на чурочки.
«Ох, согрею я Галинку
И вас, мои дочурочки!
Чтобы было вам зимой,
Как у Христа за пазухой,
Чтоб в печи огонь живой
Всю бы зиму праздновал!»
Словно часики, пила,
Тут крутись, не мешкай.
И от каждого ствола
Дров на полтележки
Возит чурки до темна.
Разошелся Толька!
Во дворе стоит жена:
- Ну, куда ты столько!
- Ты, Галина, не сопи! –
Толя ей советует.
- Не в приглядочку топи,
А топи, как следует!
А чего жалеть огня?
Лучше больше кинуть!
Чтоб всю зиму у меня
Щеголять в бикинях!

А соседи-то кругом

На ограду лезут.

- Что случилось с мужиком?

Гляньте! Он же трезвый!

- Закодировался он.

Где вот – неизвестно.

До каких только времен,

Очень интересно!

И ПОШЛИ ДЕЛА НА ФЕРМЕ

Это что за непонятки?

Бригадир и так и ся!

Только разгадать загадки

Он не может, как дурак.

Это где же амброзия?

Где щетина, синяки?

И застыли, рты разиня,

У конторы мужики.

Это ж инопланетянин

Перед ними, не Толян.

Запах свежий, как из бани,

И ни капельки не пьян.

Выбрит, дух одеколona

От его исходит щек.

В чистой курточке зеленой.

Не надутый, как бульдог.

Взял путевку и на трактор

И пахать поехал зябь.
Ну, совсем ни капли такту!
Что с такого можно взять!
Чешет репу бригадир.
«Случай аномальный!
В пятницу он уходил,
Вроде был нормальный.
Говорил: «Махну в райцентр,
Наберу водяры».
А сегодня, как доцент,
Чистый и не пьяный».
Управляющий был хмур,
Очень уж расстроился.
- Может, он с бухла на дурь,
Сволочь, перестроился?

Мужики давай вопить
Да чесать за ухом.
- Нет уж! Лучше водку пить,
Чем колоть да нюхать!
Так же станешь дураком!
Всё! Пиши пропало!
Был нормальным мужиком,
А теперь не стало!

Поорали полчаса

И пошли трудиться:
Кто вздремнуть у колеса,
Кто опохмелиться.
Управляющий хитер.
И после планерки
Сел на «ниву» и попер
Объезжать проселки.
Вон за колочком стоят
Два коня железных.
Значит, мужики гудят.
Трогать бесполезно.
Новоселов и Крамской
И не выезжали.
От конторы к мастерской,
Там и забухали.
Иванов бочком домой
И в постель, бездельник.
Всё же день нетрудовой
Этот понедельник.

Управляющий к Толяну
Поглядеть его поля.
«Ну, сейчас тебя застану
За постыдным делом я.
Ишь, чего задумал, падла!
На наркотики подсел.

Нет! Такого нам не надо.
Это явный беспредел.
Выгоню к такой-то маме
И в ментовку настучу.
Наркомана между нами
Даже видеть не хочу».
Подъезжает. Ёксель-моксель!
Это как же понимать?
Он смотрит на поле мопсом.
Поле вспахано на пять.
Все бороздки по линейке,
Нет нигде на раскосяк.
Так попробуйте сумеите!
Только мастер может так!
Трактор вдалеке краснеет,
Поднимает к небу пыль.
Управляющий потеет
И за руль в автомобиль.
«Блин! Вот скажешь – не поверят,
В понедельник, чтоб Толян...
Пусть приедут и замерят!
Только ясно, он не пьян!»
Утром сводку сообщает.
За день был рекорд побит.
Головой сидит качает
Их директор и мычит.

- Что-то ты, Иван Иванович,-

Говорит с усмешкой,

- Врешь!

Видно, выпил много за ночь.

А теперь фигню несешь.

Ведь валялись, мне известно,

Трактористы тут и там.

Ты вчера, скажи мне честно,

Побывал хоть в поле сам?

- Да, валялись наши баре.

Но и я вам не соврал.

Потому что все гектары

Толик наш перепахал.

Хорошо зимой в деревне!

Наслаждайся человек!

Посмотрите на деревню,

Как на них сверкает снег!

Небо ярко-голубое!

Дед Мороз за щеки хватать!

Хочешь что-нибудь такое,

Вроде Пушкина читать.

Ни помоек! Любо-мило!

Ни соринки под ногой.

Всё зима кругом укрыла

Белоснежной простыней.

Хоть давно работал Толик,
В кабинеты был не вхож.
Для конторских алкоголик,
Так себе, почти, как вошь.
А когда он появился,
Куртку кожаную снял,
Люд конторский удивился,
Кто-то даже не признал.
Представительный, солидный,
Не колхозник, а посол.
«Ничего! Мужчина видный!» -
Дал оценку слабый пол.
Секретарша поглядела,
Искривив в улыбке рот,
Подскочила, подлетела:
- Вас давно директор ждет!

Под портретом президента
Их директор восседал,
Чтоб торжественность момента
Всяк, кто входит, осознал.
Оторвавшись от бумажек,
Почесал между бровей.
Он смотрел, как на букашек,
С молодости на людей.

Показал ему садиться.
- В общем, Анатолий, так.
Управляющий в больнице.
У него, сказали, рак.
Значит, будешь, Анатолий,
За него теперь рулить.
Знаешь, как работать в поле,
Знаешь, как коров доить.

Мужики вздыхают тяжело.
Это ж выше всяких сил!
И становится им страшно,
Так никто их не давил.
Позабыли про охоту
И про жирных окуней.
Опоздаешь на работу –
Премияльных ноль рублей.
Так репрессии обрушил!
Выпил – ставится прогул.
Не побьешь теперь баклуши,
Только знай, паши, как мул.
А еще дерется, падла!
Двинет так, хоть волком вой!
У него же силы, гада, -
Семерых одной рукой.
И к директору ходили,

И писали в сельсовет,
Даже Путину звонили –
На него управы нет.
В общем, так зажал, скотина!
Нормой стал ударный труд.
Заработала машина!
Показатели растут.
Ферма их передовая
Стала в области за год.
Губернатор, награждая,
Долго Толе руку жмет.
Говорит ему:
- Наслышан
Про надой, про урожай.
Так что, друг, давай-ка выше –
Министерство возглавляй!

Толик:
- Что вы! С грамотишкой
Не в ладах я с детских лет.
- Да мне грамотные слишком
Не нужны. От них лишь вред.
Мне хороший нужен практик,
Волевой, как ты, мужик,
Чтобы всех давил, как трактор,
Чтобы пер вперед, как бык.

Вся деревня воет хором:
- Был алкаш и тракторист.
А теперь он едет в город.
Он теперь у нас министр!

Если б ангелы спустились
Или начался потоп,
Люди б так не удивились.
Как же так случилось, чтоб
Не каким-то, а министром
Стал один из работяг.
Что-то ясно здесь нечисто,
Что-то, видно, здесь не так.
Чтоб мужик, простой крестьянин,
Как ракета вверх ушел?
Это инопланетянин
Толин облик приобрел.
И к жене его:
- Галина!
Как такое может быть?

А Галина, как павлина,
И не хочет говорить.

В МИНИСТЕРСКОМ КРЕСЛЕ

В городе не дал он маха.
Даже сам не ожидал.
С первых дней такого страха
На чиновников нагнал!
- Я такого не приемлю!
Я курорт устрою вам!
Все поедете в деревню!
Всем я вилы в руки дам!
Кто ж вводил такие цены
На сельхозсырье у нас?
Лимонад обыкновенный
Стоит больше в десять раз.
Не из золота ль запчасти
Продаются для села?
Плачут там. А здесь вам счастье,
Хорошо идут дела.
Ну, а эти фирмы ваши
Знают, грабят всех подряд.
На одном, что землю пашет,
Трое с ложками сидят.

Референт Василий Кожин –
Это уши и глаза.
Всё по полочкам разложит
Министерский егоза.
Сам он маленького роста

И по-модному не брит.
Держится легко и просто,
Вмиг к себе расположит.
В общем, был Василий Кожин
Для министра суший клад.
Он в любое время может
Заявиться на доклад.
Вася всюду успевает,
Всё, что слышит, сообщит.
Всё про всех министр знает,
Кто чем дышит, кто с кем спит.

Как-то раз один писака
Анонимку накатал.
Вася быстренько, однако,
Гада вычислил и сдал.
Вызывает Анатолий
Пасквилянта на допрос.
Словно мучаясь от боли,
Задаёт ему вопрос:
- А скажи-ка, друг сердечный,
Как «ландкрузер» наш пропал.
Ты его списал, конечно,
А потом его продал.

Засиделся Анатолий.

Всех бумаг не прочитать.
И от этой тяжелой доли
Никуда не убежать.
То сотрудников тиранишь,
То мышкуешь там и тут.
За день так порой устанешь,
В поле так не устают.
То Москва, то губернатор
Душу требуют твою,
То проситель, то оратор,
То гонцы, то интервью.
Он, конечно, в ритм вписался,
Быстро этот стиль принял,
Никогда не расслаблялся,
От проблем не убегал.
Дверь тихонько растворилась.
Что еще за канитель?
В кабинете появилась
Незнакомая мамзель.
Белоснежная рубашка,
Юбочка до полбедра.
Наш министр вздыхает тяжело:
- На прием прошу с утра!

6. АХ, КАКОЙ МУЖЧИНА!

С языка чуть не сорвалось:

«Что стоишь? Отсюда шпарь!»

Девушка заулыбалась.

- Я теперь ваш секретарь.

Позабыл он, что Василий

Столько раз давал понять:

Секретаршу покрасивей

И моложе надо брать.

А бабулька-секретарша

Лишь бы варежки вязать.

Все смеялись: «А постарше

Не могли вы отыскать?»

- Не желаете ли чая

Или кофе? – говорит.

Встала, бедрами качая,

У стола. В глаза глядит.

Отчего-то он смутился,

Ей кивнул. Ушла молчком.

В документы погрузился,

Только мысли о другом.

«Черт возьми! Да соберись ты!

Ты ж министр, не вертопрах!» -

Выругал себя за мысли

О другом, не о делах.

Быстро подписи выводит,
А под чем не разберет.
Тут она опять заходит
И поднос к столу несет.
Пожелала аппетита.
Чая он глоток отпил.
- А как звать тебя? – сердито
Почему-то он спросил.
- Ну, для вас я просто Света.

Он кивнул и буркнул ей:
- Ты, Светлана, тоже это...
Чаю, стало быть, попей!

Тут две пуговицы Света
Расстегнула не спеша.
- Что-то жарко! Просто лето! –
Молвит, тяжело дыша.
Анатолий поперхнулся.
«Ну, не девка, суший бес!»
Покраснел и отвернулся,
Чтоб не видеть тот разрез.
- Ну, чего вы, Анатолий?

На колени хлоп к нему.
Потеряв остаток воли,

Повалил...
Но хоть кому,
Что случилось дальше, ясно.
А поэтому сейчас
Ставим точку.
Там прекрасно
Обойдутся и без нас.

А жена его?
Какою
Стала дамою она!
Занимается собою.
Соответствовать должна!

Ну, и бестия же Вася!
Взял министра в оборот:
Потрудившись, развлекаться,
А не то ку-ку замкнет.
И в работе, и в разврате
Толя стал передовик,
Потому что Толя, кстати,
Настоящий наш мужик.
Но не пьет, не курит Толя.
- Водка людям не нужна.
Да была моя бы воля,
Протрезвела б вся страна.

И тогда б с народом трезвым
Обогнали в мире всех.
Экономика бы резво
Поскакала сразу вверх.
И чего в спиртном дурмане?
Выпил, крикнул, окосел.
Лучше девок жмакать в бане,
Чтобы только пух летел.

За короткий промежуток
Стал отменным ходоком.
И прожить не мог ни суток,
Не попрыгав ни на ком.
Всех красавиц в министерстве
Осчастливил наш ходок.
Говорят недаром, сердце
У мужчины между ног.
Галя плакала в тихушку.
Без него ей не до сна.
Утром мокрую подушку
Феном высушит она.

Губернатор иронично
На министра поглядел.
- Мда! Ведешь себя отлично!
Всех сотрудниц поимел?

- Ну...

- Да ладно! Ради Бога,
Раз в такой гарем попал.

На портрет, глядевший строго,
Он министру указал.

Не сводя глаза с портрета,
Губернатор говорил:

- Позвонил. Про то, про это...
Про тебя еще спросил.

Представляешь, Анатолий?

Президент, ядрена вошь!

Ну, а ты себя, как в поле,
Как пацан, себя ведешь.

Коньячок налью немножко.

Ну, а ты попей кваску.

Так что, думаю, дорожка

У тебя теперь в Москву.

Значит, к данному моменту

Вот такой расклад. Я – за!

Анатолий президенту

Смело посмотрел в глаза.

Ну, и что же здесь такого?

Этим жизнь и хороша!

Уж давным-давно большого

Дела требует душа.

Он домой вернулся рано,
Подарил цветы жене.
- Ты прости меня, барана!
Только ты по сердцу мне.

И была такая ночка!
Столько раз жену любил.
«Всё! Покончил с блядством! Точка!» -
Твердо ночью он решил.
Спать бы надо,
Но не спится.
Мучает один вопрос:
«Как же так могло случиться?
Кто же так его вознес?»
Жизнь свою перебирает
День за днем. И как дурак,
Ничего не понимает.
Как же все случилось так.
Словно молния блеснула
Мысль. «Да нет! Все это вздор!»
Встал и, брюки сняв со стула,
Вышел с ними в коридор.
Свет включил и ближе к свету.
Поглядев, как столб застыл.

Видит пуговицу эту,
Что когда-то он купил.
Эта пуговица явно
Не от этих брюк. Гляди!
Неказиста, стародавна...
- Галя! – крикнул. – Выходи!

Закричал, ногой застучал.
- Галя! Выгляни на свет!
Пуговицу к новым брюкам
Пришивала или нет?

Галя, глазки протирая,
Посмотрела.
- Ну, дела!
Пуговица не такая
Здесь на поясе была.
- Кто ж пришил сюда другую?
Пуговиц я не терял.
- Видно флядь очередную
Ты хозяйственную мял.
- Что ты скачешь, как скакалка?
Или хочешь кулака?
Эту пуговицу, Галка,
Я купил у старика.
- Ну, купил. И что, мой сладкий?

- Да секрет таится в ней.
Я нашел ответ к загадке!
Этот старец – чародей!

Толя пуговицу гладит.
Рот раскрыв, сидит жена.
- Всё устроит, всё наладит!
Необычная она!
Заверну такие, Галка,
Я великие дела!
Одного мне только жалко:
Где же раньше ты была?
Был давно бы президентом,
Все забрал бы голоса.
Ничего! Теперь моментом
Я взлечу под небеса!
Как себя мы удоволим!
Заживем, как короли!
Мы теперь себе позволим
То, что раньше не могли.
Говорю тебе без форсу,
Наступили наши дни.
Эх, налей-ка, Галя, морсу!
А себе винца плесни!

Звонко чокнулись супруги.

Толя, выпив, подскочил
И жену свою на руки
С громким воплем подхватил.
- Ну, и что здесь происходит?
Что так папа голосит?

Дочка младшая заходит,
На родителей глядит.
Тут и старшая проснулась.
По паркету семеня,
Тоже в кухню подтянулась.
В общем, в сборе вся семья.
- Я вам тут не помешала?

Села мать, отец затих.
У порога дочка встала,
Бросив строгий взгляд на них.
Мама ей:
- Да ты бы села!
Что стоишь, как на посту?
В общем, здесь такое дело...
Уезжаем мы в Москву.
- Как в Москву? Путевки взяли?

Старшая прикрыла дверь.
- Папе там работу дали.

Будем жить в Москве теперь.

- Вау! – дико завопили,

Разгалделись, как грачи.

- Деревенскими мы были.

А теперь мы москвичи!

- Ах, ты, папочка-папулька!

Ты такой крутой чувак!

- Ну, чего вы, Верка, Юлька,

Развели здесь кавардак?

Ну-ка быстро марш в постели!

Ночь уже. Четвертый час.

- Мама! Это вы галдели

С папой. Разбудили нас.

- Что-то мне тревожно, Толя.

Волшебство как бесовство.

Выпала сегодня доля,

Ну, а завтра ничего.

Чем ты выше вознесешься,

Тем падение больней.

- Зря боишься! Зря трясешься!

Будет, Галя, всё о'кэй!

Будут булочки с изюмом

И батоны с колбасой.

Но глядит жена угрюмо.

- Да не бойся ты! Не ной!
Может, пуговица эта
Ни при чем здесь...

Стал зевать.
Не дождался он ответа
И пошлепал досыпать.

МОСКВА! ЗВЕНЯТ КОЛОКОЛА

Да! Москва – не просто город.
Это вроде как аванс:
Если ты силен и молод,
То Москва – твой верный шанс.
Вроде стартовой площадки,
Где исполнятся мечты.
Если будет всё в порядке,
На орбиту выйдешь ты.
Сверху ручкою помашешь:
Люди! Все физкультпривет.
Ну, чего-нибудь там скажешь
Для журналов и газет.
Это там у них в европах
Место жизни ни при чем.
А у нас всю жизнь в холопах,
Раз не стал ты москвичом.
Будь хоть Пушкиным, хоть Гёте

Или даже Клод Ван Дам,
Но в провинции никто ты
Для тинэйджеров и дам.
А поэтому в России
На московских смотрят зло.
Не умней и не красивей,
Но так крупно повезло!
Байки множатся в народе,
Как жируют москвичи.
Россияне все мы вроде,
Но они, как басмачи.
Всю Россию обдирают.
То и это им отдай!
Девоч наших потребляют,
А огрызки забирай!
Мне знакомый без апломбу
Говорил, залив тоску:
- Я бы атомную бомбу
Взял и бросил на Москву.

Это, в общем-то, не дело.
Ведь столица нам нужна.
Ну, конечно, разжирела.
Далека от нас она.
Но, позвольте! Президента
В Мурманск не переселишь!

Это стрёмно и неверно,
Подорвешь его престиж.
А вот Думу нужно в Мурманск
Или же в ТуВу, в Кызыл,
Чтоб какой-нибудь их штурман
Курс прокладывать учил.
А Чубайса и всех правых
Грех замаливать в Кижии
Или чтобы на заставах
Охраняли рубежи.
Да! С Москвой не так-то просто!
Здесь России вектор дан.
Превратилась в точку роста
Для державы россиян.

Блин! Когда-то на уроке
Изучали Вавилон.
В древнем мире на востоке
Самый огромный он.
Обойдешь лишь за недели,
Если пеший на ногах.
А на рынках там галдели
На различных языках.
А дворцов для олигархов
За день не пересчитать.
А про разных там монархов

Лучше просто помолчать.

Он идет, почти не дышит
И не чувствует ног и рук.
Только сердце свое слышит:
Тук-тук-тук да тук-тук-тук.
Перед ним открыли двери.
Он заходит в кабинет.
И глазам своим не верит:
Неужели президент?
Он какой-то низкорослый
И совсем не великан,
Лысоватый чуть и взрослый,
Ну, а так почти пацан.
Улыбаясь, он поднялся,
Толе руку протянул.
Так приятно улыбался!
Толя радостно вздохнул.
В кресла плюхнулись за столик.
Президент кивнул: давай!
К своей пуговице Толик
Прикоснулся. Выручай!
- Люди наши не плохие.
И других не хуже мы.
Есть и руки золотые.
Есть и светлые умы.

И работать мы умеем,
И на время не глядим.
Всё, что надо, мы посеём,
Уберем, обмолотим.
Непогода не пугает,
Дождь, гроза или снежок.
Наш крестьянин понимает:
Поле – это не станок.
А какое же к деревне
Отношение властей?
Как к какой-то бабке древней,
Чтобы сдохла поскорей.
Что похуже, что поплоше,
То в деревню, там съедят...
Вот такой уж нехороший
Получается расклад.
Ни жилья мы там ни строим,
Ни дорог и ни мостов...
Только грабим, только доим
Сельских баб и мужиков.
Молодые не желают,
Как родители их, жить.
Школу кончив, уезжают,
А в деревню лишь гостить.
Если ты не гость, не дачник,
А живешь в деревне, то

Ты, выходит, неудачник
Или просто конь в пальто.

Президент глядит устало.
Что ж, пора менять метлу.
- Да, вниманья очень мало
Уделяем мы селу.

Только надо обстановку
Понимать внутри страны.

Вон какую подготовку
Мы к войне вести должны!

«Но зачем?» - меня ты спросишь

А известно с давних дней,

Если ты войны не хочешь,

Должен быть готовым к ней.

Мы ли выбрали соседство,

Что одни враги кругом.

«А откуда,- спросишь,- средства

Мы огромные берем?»

Видишь сам, партнеры наши

Учинили беспредел,

Чтоб народ наш у параши,

Как опущенный, сидел,

Чтоб забрать у нас богатства,

Наших девушек в бордель,

Развести бардак и блядство.

Вот такую ставят цель.
И скажи мне, Анатолий,
Хочешь жить в стране такой?
Ты такой не хочешь доли,
Мой товарищ дорогой.
Не идти же нам с котомкой!
Как же армия и флот?
Их на блюдечке с каемкой
Нам никто не принесет.
Да, живем мы небогато.
Тут уж нечего скрывать.
И российская зарплата,
Чтоб штаны не потерять.
Цены вот на нефть упали,
Выручает газ пока.
Ну, и где бы деньги брали?
Только, Толя, с мужика.

Пусть хотя и не ногой
Двери открывал герой.
Но в любое время мог
Он переступить порог.
Им доволен президент.
Вроде от судьбы презент
Получил в его лице,
Умно, славном молодце.

Сдержан и не суетлив.
Если надо, молчалив,
Если надо, скажет слово,
Но разумно и толково.
Президент его ценил
И, как сына, любил.
Речь с ним вел про то, про это
И просил его совета,
Убеждаясь каждый раз,
Что совет он мудрый даст.
А Галина расцветала,
Никаких забот не знала.
Горничная приходила
И порядок наводила.
У ворот стоит охрана,
А еда из ресторана.
Чем заняться день-деньской?
Ну, конечно же, собой.
А в салонах красоты
Воплотят твои мечты.
И из бабы постсоветской
Стала Галя дамой светской.
В фитнес-клубе своё тело
Сделать женственным сумела,
Губки сделала полней,
Глазки сделала длинней.

Ни один мужик не прочь
Провести с такою ночь.
Но хранит Галина верность.
Не знакома Толе ревность.
В Гале он своей уверен,
Хоть и сам ей был неверен.
Но работы выше крыши.
Ночью – в дом, а утром – вышел.
Целый день его жена
Быть одной обречена.
Вера в частном пансионе,
Юля вовсе на Гудзоне,
И по скайпу через день
Ей и то общаться лень.
Как-то утром Толя быстро
Собирался. Он министра
Ждал на утренний прием,
Чтобы обсудить при нем
Перспективные проекты
И затраты на объекты.
- Толя! Ты забыл наверно...

Галя встала у двери.
Повернулся благоверный.
- Что такое? Говори!
- Юбилей у нас, мой сладкий!

Чмокнул Галю в щечку он.
- Помню, Галка! Всё в порядке! —
Буркнул он и вышел вон.
Выскочил. Его машина
Бронированная ждет.
В ней ни пуля и ни мина
Пассажиров не убьет.
Толя в мысли погрузился,
Очи долу опустил.
«Что-то я совсем зарылся!
Про семью свою забыл!
С дочками уж две недели
Ни словечка, ни гу-гу.
Всё кручусь на карусели.
А сойти вот не могу.
Как прекрасно быть рабочим!
Отработал и домой.
И весь вечер, между прочим,
Дома со своей семьей.
А теперь, как на галере
Раб прикованный, сижу
И себе ни в коей мере
Больше не принадлежу.
А подумай о Галине!
Ведь она твоя жена,

Словно бы сейчас в пустыне,
Всё одна, одна, одна!»

Вечером вручив букетик,
В ресторан ее везет.
- Завтра утречком, мой светик,
На Багамы самолет.
Там субтропики, родная.
Кто бывал, твердят, что рай.
Но у моря отдыхая,
Про меня не забывай.
Належишься на песочке,
А когда наскучит рай,
В США смотайся к нашей дочке,
По Нью-Йорку погуляй.
В супермаркет сходишь дамский,
Их попробуешь еду...
- Толя! Я же по-багамски
Ни бельмеса! Пропаду!

В ТАЙНОЙ КОМНАТЕ

Дача. А точнее дворец.
Стены. Нет лишь пушки.
Все собрались наконец
В тайной комнатушке.
Проверяют здесь все дни

На предмет прослушки.
А поэтому они
В тайной комнатухе
А о том, что есть она,
Знают лишь немногие.
Здесь не курят, нет вина,
Правила здесь строгие.
Господин с сухим лицом
И губами влажными
Самый главный здесь. Причем
Все здесь очень важные.
Взгляд его как острый нож.
Усмехнулся.

- Прения
Не устраивайте! Что ж!
Какое ваше мнение?

Все молчат. Он сжал кулак.
- Ну, начнем с военного.

Все министра знали, как
Очень откровенного.
И министр не стал вилять
И ответил смело.
- Что тут слюни распускать?
Грохнуть – и всё дело!

Как сюда он к нам попал?
Как так получилось?
Власть такую он набрал,
Что другим не снилась.
Ну, конечно, воровать
Нынче больше стали.
Что же всех теперь сажать,
Чтобы как при Сталине?

Тут другой министр очки
Пальчиком поправил.
- Все мы вроде дурачки,
Ведь игра без правил.
Никого не признает.
Это ж не солидно!
Так, глядишь, что через год
Все слетят с Олимпа.
Наши правила игры
Он не соблюдает.
И вот как мы ни хитрим,
Нас он в грош не ставит.
- Что нам скажет ФСБ?

Тот вздохнул устало
- Что-то мне не по себе,
Я признаюсь, стало.

Ну, судите сами вы!
Сам-то он откуда?
Прыгнул выше головы.
Это ли не чудо?
Был обычным мужиком,
Пил и матерился.
Раз! И в Кремль напрямиком!
С нами очутился.

Снова главный трет кулак.
- В боги ниоткуда.
После этого, ну, как
Не поверишь в чудо.
Нет! Убийство не пойдет.
Может так аукнуться!
Нужен очень умный ход,
Чтоб самим не рухнутья.

ЧУДЕСНОЕ СПАСЕНИЕ

Ну, конечно, это нечто!
У планеты на краю
Как не будешь ты беспечной,
Если ты живешь в раю?
Небо ярко-голубое,
Чистый, как слеза, песок.
Ну, а море вон какое!

Кошкой ластится у ног!
Всюду пальмы. И цветами
Всё украшено вокруг.
И прислуга рядом с вами,
Словно самый лучший друг.
Только шевельни мизинцем.
- Что вам нужно принести?
А, быть может, дружбу с принцем
Вы хотите завести?

Звезды здесь из Голливуда,
Президенты даже есть.
А однажды – это чудо!
Трампа увидала здесь.
Шел с Меланией по пляжу.
Локоть выставил – держись.
Вот кому-нибудь расскажешь,
Не поверят же ни в жизнь!
Дамы ходят все в бикини

не скрывают красоты.
Кто-нибудь еще накинёт
Нечто вроде бы фаты.
Как-то раз, бродя без цели,
На такое набрела!
Там мужчины и мамзели

В чем их мама родила!
Но не лапают друг друга,
Ноль вниманья к срамоте,
Вроде как супруг с супругой,
Что привыкли к наготe.

В номере надев бикини,
Галя к зеркалу встает.
И не верится Галине!
И себя не узнает!
Всё и спереди, и сзади
Так, как надо! Всё на пять!
И чего же это ради
Красоту свою скрывать?
И на следующее утро
Прибикинилась она
И на пляж. Другая будто
В ней открылась сторона.
Как мужчины плотоядно
Смотрят – просто обалдеть!
Ну, а ей-то как приятно!
Значит, есть на что смотреть.
Столько лет была чумичкой,
Ферма, дом, всё тот же быт!
А теперь порхает птичкой,
Чуть ли в небо не взлетит!

Ах, лежать весь день на пляже,
Где никто тебя не пнет,
Слова грубого не скажет
И подальше не пошлет,
Где топить не надо печки,
Дров и уголь не таскать,
Как ишак тащиться к речке,
Чтоб белье прополоскать,
Где мужик не прется пьяный
Галсами к себе домой,
Чтобы вновь устроить бранный
Вечерок семье родной.
Значит, можно жить красиво,
На песке играть в футбол.
А не так, чтоб водку в пиво,
Полчаса – и мордой в стол.
Ах! Галина приподнялась,
Пот салфеткой убрала.
«Я ж ни разу не купалась
В океане!» И пошла.
Словно молоко парное,
Океанская волна.
«Вон ты теплое какое!
Ребятишек бы сюда!»
Шла и шла. Ластятся волны.

Вдалеке торчит скала.
Сзади слышен смех задорный.
Далеко уже ушла.
А когда зашла до бюста,
Поплыла она, как морж.
Сделала глоток. Невкусно!
Эту воду не попьешь!
И плывет себе тихонько.
Челка сбилась ей на лоб.
И ногами так легонько
По водичке шлёп-шлёп-шлёп!

Тут как будто бы Галину
Беспощадный царь морской
Как ухватит и в пучину
Увлекает за собой.
Галя бьется. Словно змейка,
Извивается она.
И за что судьба-злодейка
На нее ополчена?
- Помогите! – завопила.
- Люди добрые! Тону!

Тут волна ее накрыла,
И она пошла ко дну.
«Вот и всё! Прощайте, дети,

Толя, лучший из мужей!
Мы теперь на этом свете
Не увидимся уже.
Всё б неплохо! Но могилы
Мне не будет на земле.
Буду я лежать в постылой
Океанской этой мгле.
И цветочки не положат,
И венки не покладут...
Рыбка плоть мою изложет,
А скелет утащит спрут».
Вдруг как будто отоварил
Кто-то Галю по мозгам.
Яркой вспышкой ударил
Свет по Галиным глазам.
Крепко веки зажимает.
Видеть свет такой нельзя!
А потом приоткрывает
Очень медленно глаза.
«Вот он, дворец подводный!
И большой, как наш спортзал!
Был бы только благородный
Царь морской! Не приставал!»
Слышит Галя рядом голос.
Повернулась. А над ней
Смуглое лицо. А волос,

Что любой смолы черней.

- Ты подводных царств владыка? –

Спрашивает.

- О май гад!

Ши из раша!

И великой

Радостью сверкает взгляд.

На царе в полоску майка.

- Как? – она поражена.

- Это что же это, Галька?

Ты, выходит, спасена?

- Ви тонуть совсем немножко.

Я спасать вас! – был ответ.

Приподнялась Галя. Ножка

Опустилась на паркет.

- Значит, я не утонула!

И улыбка в пол-лица.

На него она взглянула

И... влюбилась в молодца.

Да и есть во что влюбиться.

Потеряет стыд и страх

Тут не то чтобы девица,

Даже женщина в годах.

Галя ж теста не такого,
Кроме Толи одного,
Никогда еще другого
Не имела никого.

Только женскую натуру
Ведь никто не отменял.

«Обнаженную фигуру
Он мою в руках держал!»

- Где же я? – она спросила.

- О! не знать ваш номер я.

И поэтому решило

Поместить вас у себя.

Сэв дзе гёл,- сказал красавец, -

Это есть работа мой.

И хотя он иностранец,

Он теперь ей не чужой.

- Отдых был для вас полезный.

Вы теперь есть не больной.

Может, будете любезны

Вы поужинать со мной?

- Не пойду же я в бикини?

- О! не стоит горевать!

Всё, что надо, в магазине

Я вам буду покупать.

- Нет! – Галина закричала.
Раскраснелась. Смущена.
Но его уже не стало.
Галя в номере одна.
- Ну, дела! – она вздохнула.
- Выпал же денек такой!
Я чуть-чуть не утонула.
Кто же он спаситель мой?

Поднялась она с кровати,
Мол, немного осмотрюсь.
Это сколько же он платит?
Сразу видно, номер люкс!
В шкаф, конечно, заглянула.
Женщина же как никак.
Да! Чутье не обмануло.
Сразу видно – не бедняк.
Только в номере мужчины
Как ей можно пребывать.
Значит, выход для Галины
Лишь один – тотчас сбежать.
Дверь тихонько приоткрыла.
Пусто. Ну, и славно вот!
Вышла, за собой закрыла
Дверь. И двинулась вперед.
Тишина. Лишь только слышно

Сердце бьется тук-тук-тук.
Галя в холл просторный вышла,
К лестнице свернула. Вдруг
Шум шагов внизу раздался,
Как подковы от коня.
Он в Галине отозвался,
Как гроза среди бела дня.
«Я же голая почти что...
- Как всё это понимать? –
Скажет он.
- Чего ж ты вышла?
Надо в номер мне опять».
Дерг за дверь. А дверь ни с места.
Что же делать ей теперь?
Очень даже интересно:
За собой захлопнуть дверь.
В коридоре показались
Три мулата. К ней идут.
Бормотали, улыбались.
- Проститутто! Вэри гуд!
- Я совсем не проститутка!
Я хотела улизнуть.
Тут такая вышла шутка...

Взял один ее за грудь.
А другой с нее снимает

Плавки. Третий рот и нос
Ей зажал. И понимает
Галя: это всё всерьез.
И обмякла Галя сразу,
Опустилась Галя вниз.
Мало что втроем, заразу
Занесут ей в организм.
Вдруг раздался крик. От Гали
Отцепились. Снова он
Спас. Насильники отстали
И бежали сразу вон.
Поднял Галю. «Я ж без плавок!»
И рукой прикрыла низ.
- Как вы ловко этих шавок!
Настоящий героизм!
- Ви зачем покинуть номер?
Вам нельзя еще гулять.
Кстати, имя мое Роберт.
- А меня Галиной звать.

ГАЛЯ ВХОДИТ ВО ВКУС

Дверь открыл. Едва за ними
Дверь захлопнулась, она,
Повторяя его имя,
Обняла.
- Я влюблена!

Я влюбилась, как девчонка!

Стала в губы целовать.

Сдернул он бюстгальтер тонкий

И понес ее в кровать.

С ней такого не бывало.

Не стыдилась ничего.

Словно в рай она попала!

Вот ведь счастье какво!

Ах, какие были ночи!

Шум прибоя! Красота!

Не глаза у Гали – очи!

И не губы, а уста!

Всё кончается когда-то:

Пальмы, солнце и прибой!

И женатый, неженатый

Возвращаются домой.

Вот скажите, почему

Счастье не растянешь,

Что отпущено, к тому

Больше не добавишь?

Промелькнет оно, как миг,

И исчезнет счастье,

Как мышонок в норку шмыг,

И опять ненастье.
Галя рухнула с небес.
Всё кругом немило.
Он домой уехал. Без
Него могила.
День проплакала она,
День пластом лежала.
Жизнь ее была полна.
Всё теперь пропало.
А на третий день стучат.
- Да! – кричит. – Войдите!

Входит юноша-мулат.
- Вам письмо! Держите!

Пальцы Галины дрожат.
Развернув листочек,
Прочитала: «Ты мой клад!
Но должны, дружок,
Мы расстаться. Я женат.
Развлеклись мы оба.
Но пора закончить!»
«Гад!
Где любовь до гроба?»
Галя не спала всю ночь,
Не пила, не кушала...

- Может, чем-нибудь помочь? –

Спрашивает юноша.

Парень хоть не ого-го,

Роберту не ровня,

Манит пальчиком его.

Плохо ей сегодня.

За руку его берет.

Простынь вниз сдвигает,

Взору жадному живот

Плоский обнажает.

Утешалась ночи три

В гневе благородном.

«Он женатый! Ну, смотри!

Как будто я свободна!»

А потом был австралиец,

Швед, грузин из Туапсе.

Славно в номере бесились.

И хвалили Гаю все.

- Зажигательная штучка!

Фору может дать любой!

Хвалят все ее.

- И лучше

Не бывало ни с одной!

Штаты есть, конечно, штаты.

Это даже не Москва.

Вот живут ведь супостаты!
Просто кругом голова!

- Ну, показывай, дочурка
Мне Америку свою.
Я в Америке, как чурка,
Знаю только «ай лав ю»!
А! еще одно словечко
Я узнала у друзей.
Фак!

И палец. Словно свечка,
Вверх поднялся перед ней
- По-английскому лепечешь,
Словно он тебе родной.
Ну, чего ты мне ответишь?
- А чего? Шагай за мной!

Да! Конечно, словно в сказку
Погрузилась ее мать.
Впечатлений под завязку,
За год не пересказать.
И Галину жизнь в Нью-Йорке
Будоражит и бодрит,
Словно бы с высокой горки
В рай стремительно летит.

Сколько всякого народу,
Разных рас и языков.
Не подумала бы сроду,
Что бывает мир таков!

Вот и вечер. Скоро ночка.
Надо где-то ночевать.

- А куда поедем, дочка?
- Да ко мне поедем, мать!

На такси еще плутали
По Нью-Йорку дочь и мать.
За день так они устали,
Что желали только спать.
Поднялись. За дверью крики,
Громко музыка ревет,
Словно там собрался дикий,
Невоспитанный народ.
Дочка маму тянет вяло.
- Ма! Поехали в отель!

Мама брови приподняла.
- Это что тут за бордель?
Нет уж! Глянем,
Раз мы тут!

И заходит. Шум и гам.
Девок, словно проституток,
Парни шпарят по углам.
Кто-то спит, приняв излишек,
Кто-то колетса, кто пьет.
Видит Галя двух парнишек,
Как один другого трет.
Мама встала и ни слова.
Побелела, как стена.
- Ну, и что здесь, ма, такого?
Здесь свободная страна!
Каждый делает, что хочет.

Тут какой-то паренек
Подлетает, словно кочет,
И Галину в щечку чмок.

Мама дочку хватя за шкуру.
- Это что же с этих лет
Подставляя ты стала дырку?
- Что ты? Делаю минет.

Мать в бессилье опустилась.
- Это что же, Боже мой!
Ты совсем здесь распустилась!
Завтра же летим домой!

- Никуда я не поеду!

Здесь теперь мой дом родной.

Всё! Заканчивай беседу!

Раша – это же отстой!

- Ты над родиной не смейся!

- Поезжай, мамуль, в отель!

В ресторан сходи развейся

И к кому-нибудь в постель!

- Как ты смеешь это маме

Говорить, такая дрянь?

- Да мы сами тут с усами.

Ну, вали давай, мамань!

И запомни, я не буду

Больше лаптем щи хлебать.

Скоро Рашу позабуду.

Да и что там вспоминать?

Здесь в Америке свобода.

Как захочешь, так живешь.

Поживи хотя б полгода

И сама ты всё поймешь.

Здесь живут с улыбкой, с шуткой,

Всё берут от жизни, мать...

Лучше в Штатах проституткой,

Чем в России прозябать.

А быть может, пожелаешь

У меня заночевать?

Тут такое испытываешь –
Долго будешь вспоминать!
- Да как смеешь ты, мерзавка?
Как сейчас заеду в лоб!
- Что ты лаешься, как шавка?

Перед носом дверью хлоп!
Вся зареванная Галя
До отеля добрела.
Душ. Подкрасилась. И краля
В ресторан ночной пошла.
Как ей дочка предсказала,
Так и вышло. Но при том
Ведь ни с кем-нибудь попало,
А с солидным мужиком.

АХ, КАКОЙ БЫЛ МУЖЧИНА!

Вот и дома. Толя хмурый
Слушал Галю целый час.
Был у ней не об амурах,
Разумеется, рассказ.
Задал несколько вопросов
И вздохнул:
- Я сам балда!
Знал же, от америкосов
Брату нашему беда.

Вот училась бы в России,
Не случилось ничего.
Что ж мы глупые такие?
Что ж не ценим своего?
Всё глядим на границу.
Запад – это ж идеал.
Вот угробили девицу...
Чтоб их черт там всех побрал!
Тут у нас еще накладки,-
Толя Гале говорит.
- С Веркой что-то в беспорядке.
Ходит, хмурится, молчит.
Над уроками не бьется.
И почти всегда одна.
В комнате своей запрется.
Подкрадусь, ревет она.
- Ну, а ты тут влево-вправо
Без меня не погулял?
- Ну, чего ты, Галя, право?
Я же с этим завязал.
Ну, а так, как впечатленья?
- Ой! Волшебный просто мир!
Там не жизнь, а наслажденье.
Им пронизан каждый миг!
И оттуда возвращаясь,
Попадаешь, словно в ад,

Где ругаясь и толкаясь,
Все куда-нибудь спешат.
В облаках не повитаешь,
В магазине обзовут...
Как-то сразу ощущаешь,
До чего же плохо тут.
- Да, история и климат
Повлияли на народ.
Всё, что севернее Крыма,
Это всё же не курорт.
Там же море, пальмы, солнце,
Круглый год теплым-тепло.
А у нас гляди в оконце:
По полгода всё бело.
Что же им на Гваделупе
Не скакать в одних трусах?
А попробуй-ка в тулупе,
Рукавицах и пимах?
И когда тут улыбаться,
Если Дедушка Мороз
То щипаться, то кусаться,
Доводя людей до слез?
Вот у них найди героя?
Не найдешь и днем с огнем.
А у нас, как будто Троя!
Их полным-полно кругом!

Там у них солдаты, значит,
Главное, чтоб был живой.
А у нас? И как иначе?
Через одного герой.
Мы, пойми, другие, Галка.
Для каких, не знаю, дел.
Но народ, конечно, жалко.
Сколько ж он перетерпел.
Да! Терпенье и страданье!
А чего еще желать?
Что для прочих наказанье,
То для русских благодать.

- Утро вечера мудрее! –
Галя молвила в ответ.
- Всё! Теперь в постель скорее!
Так устала, мочи нет.

Ну, устала – не устала,
А соскучился же муж.
Целый месяц с кем попало
Не общался он к тому ж.
Понеслось! И затянулось
Дело их на два часа.
Толе очень приглянулось.
Это что ж за чудеса?

И такое вытворяла,
Так супруга разожгла...
«Да она ж другая стала,-
Он подумал. – Ну, дела!»
Выругал себя: «Дубина!
Это ж просто так узнать
В интернете. А Галина
Мне не станет изменять»
Улыбаясь, потянулся.
Сексом сыт по горло он.
Почесался, отвернулся
И упал в глубокий сон.
Галя же себя ругает:

«Ну, чего так разошлась?
Заподозрит, разузнает
И затопчет сразу в грязь».
Утром пробудилась поздно,
В душ пошла себя обмыть...
«Надо с дочерью серьезно
Мне сейчас поговорить».
И халатик надевает,
И идет. Стучится в дверь.
Вера двери открывает,
На нее глядит, как зверь.
В комнате бардак, конечно.

Не заправлена кровать.
Галя села и беспечно
Отпуск стала вспоминать.
И про пальмы рассказала,
И как радостно жила.
Но, конечно же, не стала
Про интимные дела.
Вера стала с интересом
Слушать.

- Я б там пожила!
Мама! Я с одним балбесом,
Ну, того... переспала.
- Ты ж еще почти ребенок!
Что ж такое? Боже мой!
Не хватает нам пелёнок!
Надо ж думать головой!

Галя сразу к телефону.
- Одевайся! Каково!
Был бы взрослый, по закону
Посадила бы его.

В тот же вечер махом Галя
Провернула ей аборт.
И строжайше наказала,
Чтоб забыла этот спорт.

- Позабудь про всё! – сказала.
- Чтобы папа не узнал!

И шоферу наказала,
Чтобы в тряпочку молчал.
- Моё дело – лишь машина!

Поглядела на него
И подумала Галина:
«А мужчинка ничего!»
- Как зовут тебя?
- Ахмедом.
- Ты чеченец?
- Нет! Лезгин.
- Подъезжай перед обедом!
Завтра свозишь в магазин.

Ночью ей приснились горы.
Под замком она сидит.
И срывая все запоры,
К ней врывается джигит.
Из-под шапки взор сверкает,
Саблей рубит стражей всех,
На руки ее хватает
И несет ее наверх.
Солнце. Жмурится Галина.

- Отпусти, прошу, меня!
- Всё! Теперь я твой мужчина!

И бросает на коня.
Поскакал по горной тропке.
- Дева! Я тебя люблю!
Никогда я не был робкий.
За тебя я всех убью!

Саблю выхватил и с криком
Он понесся на солдат,
Рубит их в азарте диком,
Только головы летят.
Вот спускается в долину,
Шепчет:
- Свет моих очей!

Спрыгнул. Снял с коня Галину.
Ужас! Толик перед ней.

Телефон берет Галина.
Сердце ёкнуло в груди.
- Я вас жду. Стоит машина
У подъезда.
- погоди!
Поднимись! Нужна мне помощь!

- Хорошо! – сказал джигит.
- Что же я сажу, как овощ?

Галя к зеркалу летит.
Пеньюар полупрозрачный.
Сексуальный очень вид.
Что ж мужчина настоящий
Перед ней не устоит.
Наконец звонок раздался.
Галя сразу парня хватъ.
- Что-то долго поднимался?
Заставляешь даму ждать!

Что ж оставим их! Понятно,
Прочь одежду и в кровать...
И кому-то неприятно
Про подробности читать.
Надо к главному герою
Нам вернуться. Что же он?
Как Ахилл штурмует Троию,
Бьет врагов со всех сторон.
Губернаторов сажают.
Ведь занявшись воровством,
Свой размах не прикрывают
Даже фиговым листком.
И добрался до министров.

Нет пощады никому.
Одного за взятку быстро
Хватать за шкуру и в тюрьму.
Самый главный заговорщик
(Кто – не будем называть),
Кушая на кухне борщик,
Продолжает рассуждать.
«Ясно: дело тут нечисто,
И к гадалке не ходить.
Значит, нам у тракториста
Тайну надо раздобыть.
Только как его, скотину,
Раскрутить, узнать секрет?»
И случайно на картину
Поглядел. Да вот ответ!
Кто – не помнит он – Самсона
За столом изобразил.
С девой полуобнаженной
Он вино из чаши пил.
А притворщица Далила
Поумней была, чем он.
В чем его таилась сила
Деве рассказал Самсон.
«Правда это или сказка?
На войне как на войне.
Говорят, что он в завязке,

Изменять не стал жене».

Обзвонил и время встречи

Он назначил – быть к шести.

Обсуждали целый вечер,

Как решение найти.

- Нет! На бабу он не клюнет.

Равнодушен к бабам он.

Поглядит и только плюнет.

В свою Галю он влюблен.

- Ну, а Галя, что не баба?

И над ним имеет власть.

Донесли, она не слабо

На Багамах развлеклась.

Ей красавчика разыщем,

Должен к ней в постель залезть...

- Это я считаю лишним.

У нее уже он есть.

- Кто такой?

- Водитель личный.

- Ну, тогда завербовать!

Дать конверт ему приличный

И, конечно, напугать!

Ах, как счастлива Галина!

Ах, какой ей выпал куш!

И зачем ей половина,

Этот самый грозный муж?
Был Ахмед неутомимый.
Галя стонет: вэри гуд!
Ей казалось, клубы дыма
Из нее сейчас пойдут.
Вот ходок! Ну, просто сказка!
Настоящий бог проказ.
И, конечно, ее ласка
Умножалась в сотни раз.
Обцелует его тело
От макушки и до пят.
Тотчас он опять за дело
И по пять часов подряд.
Благо, им и не мешали.
Верку-дочку в пансион.
А у Толи дни настали
И домой не ездит он.
В этот раз они устали
Так, что сил подняться нет.
И вино в бокал для Гали
Подливает всё Ахмед.
Галя вовсе опьянела.
Что ей совесть, что ей муж?
И хохочет то и дело,
И несет такую чушь!
- Не могу понять, Галина,

Не смогу понять вовек,
Как он стал, простой мужчина,
Самый главный человек?

Галя громко рассмеялась,
Повернулась на живот.
- Тут виновной оказалась
Чудо-пуговица. Вот!
- Что ты женщина городишь? –
Он сердито говорит.
- Дураком меня находишь?
- Успокойся, мой джигит!

Всё Ахмеду рассказала.
- Ты же веришь мне?
- Вполне.
Ты бы брюки показала
С этой пуговицей мне!

Галя спрыгнула с кровати.
Шкаф открыла.
- Тра-та-та!
Вот и брюки эти, кстати!
Вот и пуговица та!

Он на пуговицу эту

Поглядел. Стара на вид.
Но: карету мне! Карету!
Сделано! Секрет добыт!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Главный пуговицу крутит
Так и этак. Что за бред?
Ну, а если он не шутит?
И волшебник этот дед?
И в огонь ее бросает,
Что в камине песни пел.
«Поглядим, как дальше станет!»
И в качалку-кресло сел.

День прошел. Ахмед не едет.
Телефон его молчит.
Галя плачет, Галя бредит,
Потеряв товарный вид.
Дни и ночи проходили.
Как сквозь землю он пропал.
Может быть, его убили?
Может, Толя всё узнал?
Вдруг звонок! Ушам не верит.
Прыг! И молнией летит.
Открывает Галя двери.
На пороге муж стоит.

Зол. А значит, всё открылось.

Стало белой, как стена.

И в прихожей повалилась

Без сознания она.

Долго ль, коротко ль – очнулась,

Видит Толин нос и рот.

К ней сознание вернулось.

«Всё скажу! Пускай убьёт!»

- Как меня ты напугала!

Что же это, черт возьми?

На-ка, Галя, для начала

Две таблеточки прими!

Галя выпила таблетку.

Значит, всё уже узнал.

Молча села на кушетку.

Толя рядом. Он молчал.

- Ну, Галина, свет Петровна!

Толя сдернул галстук свой.

- Здесь пожили в сказке словно.

Не пора ли нам домой?

Подмигнул.

- Готовь-ка ужин,

Моя верная жена.

Проведешь ты вечер с мужем,
А не как всегда одна.
Постою пойду под душем,
Смою свой столичный пот.

Принялась она за ужин.
Толя в ванной воду льет.

«Широка страна родная!
Шире в мире не найдешь!
Только что же ты такая?
По своим всё бьешь и бьешь!

Рубишь головы с плеча
Взрослым и мальчишкам.
И работ для палача
У тебя с излишкам.

Широка у нас держава!
Есть простор для молодца!
И налево и направо
Не увидишь ей конца».

«Что за песня? Что попало,-
Галя думает, - поет.
Я такое не слыхала».

Муж распаренный идет.
- Эх! Сейчас стакан бы водки!
(Только бросил водку пить)
Да к красавице-молодке,
Чтоб всю ночь ее любить!
Разучилась ты, Галина,-
Говорит, садясь за стол,
- Здесь же всё из магазина.
Где домашний разносол?
Щи наваристые с мясом
Ведь любой украсят стол!
Навернешь кастрюлю разом
Да грызешь потом мосол!
- Что случилось, Анатолий?
- Всё мне было по плечу.
А теперь, как ветер в поле,
Полечу, куда хочу.

Смотрит Толя, не мигая
На оконное стекло.
- В общем, слушай, дорогая!
Это так произошло!

Вам такое не приснится,
Чтоб мужик был всех главней.
Он идет. На встречных лицах

Разливается елей.

Только власть – она, как флюгер.

Тут иллюзии не строй!

Одного сегодня любит,

А назавтра люб другой.

Президент за низкий столик

Пригласил его присесть.

- Как жена? Здоровье, Толик?

Может быть, проблемы есть?

Что-то выглядишь устало.

- Да. Имеется чуть-чуть.

- Поработал ты немало.

Не пора ли отдохнуть?

- Но авгиевых конюшен

Только чистка началась.

- Толя! Больше ты не нужен!

Всё! С коня на землю слазь!

- Но поймите ж! Если бросить

Это дело, лишь начав,

Нас зараза эта скосит.

Вы же знаете: я прав.

Только начали, и сразу

Стал народ с надеждой жить.

Он уверен, что заразу

Сможем мы искоренить.

А мздоимцы, словно крысы,
Побежали с корабля,
Со слезами просят визы.
Гром гремит! Горит земля!
Мы извечную проблему
Разрешим, в конце концов...
- Всё! Закрыли эту тему!
Ты свободен! Будь здоров!
- Я пекусь же не о лаврах!
И уйду я сразу сам.
- Надо тихо! Надо плавно!
А майдан не нужен нам.
Нет! С коррупцией не сладим.
Корень зла не извлечем...
Ну, допустим, всех посадим,
А других во власть возьмем,
Молодых и энергичных,
Так сказать, народа цвет.
Вкладов нет у них приличных,
За границей замков нет.
Ну, начнут махать метлою,
Наломают горы дров,
А потом, само собою,
Превращаются в воров.
И начнут с таким масштабом
Всё тащить и воровать,

По тусовкам и по бабам
Зашуруют – не унять!
Как облупленных, я знаю
Наших нынешних вельмож.
Их движенья понимаю,
Кто, на что, насколько гожд.
У меня с такими всё же
Есть негласный договор.
Сделает он всё, что может,
Для Отчизны, хоть и вор.
Я тебя ценил и слушал,
Делал, как ты предлагал.
Скольких я министров скушал!
Скольких я пересажал!
И чего же мы имеем?
Лишь врагов со всех сторон.
Никому кругом не верим,
Думая: «Не Брут ли он?»
Чувствую, что где-то в недрах
Тайный заговор растёт...
Это, дорогой, во-первых.
Во-вторых, устал, как черт.
И я думаю всё чаще:
Не пора ли отдыхать,
За городом жить и в чаще
Свежим воздухом дышать.

Ты, быть может, усмехнешься,
Но мечта моя проста:
Просыпаться, как проснешься,
И не делать ни черта,
Не решать головоломок,
Судьбы мира не решать.
И о том, что там потомок
Скажет обо мне, плевать!
Если ж буду так усердно
Я врагов кругом копить,
То до старости, наверно,
Не успею я дожить.
За границей мне не скрыться.
Для нее врагом я стал.
И меня же за граница
Подведет под трибунал.
Мы свои играем роли,
Но сценарий-то не наш...
- Я всё понял!

Анатолий

Встал, прямой, как карандаш.
Президент поднялся тоже.
- Ты мне дорог был, поверь!
Но прощай, мой друг! Быть может,
Не увидимся теперь.

И послушайся совета:
Оставаться страшно тут.
Изживут тебя со света,
А скорей всего, убьют.
Смойся, скройся и заройся,
Хоть в берлоге,
Как медведь.
Ну, короче, так устройся,
Чтоб тебя забыли впредь.
Погуляли хлопцы вволю,
На покой пора теперь.

По спине похлопал Толю
И кивнул ему на дверь.

Как веревочке ни виться,
А конец есть у любой.
Сладко встретила столица,
А потом под зад ногой.
Были сборы их недолги.
От большого пирога
Даже самой малой дольки
Не досталось ни фи́га.
Не было гулянки шумной,
Ни эскорт на самолет.
Всё имущество в две сумки

Разместили – и вперед!
И Москву без сожаленья
Папа, мама, дочка их
Покидали в воскресенье,
Выпив кофе на троих.
Широка страна родная!
Сколько в ней лесов и рек
Под крылом летят, мелькая,
Ускоряя свой разбег.
Вот Урал мелькнул и скрылся.
И Сибирь. Тайга кругом.
Наконец-то приземлился
Самолет в краю родном.

- Фи! – идет односельчанин.

- Думали, ты нас забыл.

И хотя теперь ты барин,

Ты такой же, как и был.

Вот их дом в зеленой шубе!

Что, хозяев позабыл?

Если был сейчас бы бубен,

Толя бы в него забил!

Заросло травой придворье,

Хоть сейчас паси коров.

Ничего! Не будет вскоре

Никаких тут сорняков!
Эх, соскучился порядком
По работе на земле,
Засиделся в кресле мягком
Он в уюте и тепле!
Захотелось снова Толе
Сесть на трактор – и в луга,
А потом махнуть на поле
И вспахать две сотни га!
«Кто в тебя, мой друг железный,
Жизнь вдыхает на заре?
Или грудой бесполезной
Ты сейчас на хоздворе?»»

12.

- Толя! Толя!

Он очнулся.

- Погляди! Замка-то нет!

Огляделся, оглянулся.

Во дворе какой-то след.

Это что ж за незванный

Поселился элемент?

А быть может, иностранный

Ожидает их агент?

На крыльце сырая тряпка.
Кто-то в доме их живет.
- погоди! Огрею тляпкой!
Мордой вылетишь вперед!
Вы постоите здесь, девчата!

Толя тляпку в руки взял.
- Косолапого когда-то
Палкой я в лесу гонял!

Галя с Юлей на крыльчке.
Страшно, что ни говори!
И друг к другу, как овечки,
Жмутся. Что же там внутри?
- Ты чего так шумно дышишь? –
Мама дочке говорит.
- Ничего же не услышишь!
Может, папа-то убит?
- Ну, чего стоите, дамы? –
Голос изнутри гремит.
- Тут такой сюрприз для мамы!
Пусть быстрее сюда бежит!

Галя резко двери настержь.
Сердце бешено стучит.
В коридор ворвалась. Здравсьте!

Дочка блудная стоит.
А какая же худая!
Щеки впали. Просто жуть!
- Здравствуй, мамочка родная!

И упала к ней на грудь.
Плачет мама, плачут дочери
И отец, как сломанный.
- Девочки! Мои росточки!
Вот и дома снова мы!

По стене он пальцем водит
И кривит, как клоун, рот.
В дверь открытую заходит
Старый житель дома кот.
Ах, пушистый, золотистый,
Ты вернулся! Проходи!
И хотя он был нечистый,
Жмут они его к груди.
И целуют в нос и в ротик,
Шепчут, шёрстку теребя:
- Ты прости нас, милый котик,
Что мы бросили тебя!

Похудел Пушистый сильно,
Потерял свою красу.

При хозяевах обильно
Рыбу ел и колбасу.
Принесли его, малютку.
Крысы бегали в дому.
Это не дело не на шутку
Не понравилось ему.
Как-то раз лежал хозяин.
Котик прыгает к нему.
- Ну, чего ты лезешь, парень?
Что стащил ты? Не пойму!

Глянул и заматерился.
Как ошпаренный вскочил!
Хвост облезший волочился.
Котик крысу притащил.
С той поры у них не стало
Крыс. Ну, просто красота!
Согласитесь, что начало
Неплохое для кота.
А однажды он приплелся,
Глаз на ниточке висит.
В шифоньере он улегся.
- Сдохнет! – Толя говорит.

Рядом злобная соседка.
Котик к ней зашел во двор.

И она стрельнула метко
Из ружья в кота в упор.
Рыжий, он гроза хвостатым,
Одноглазым только стал.
Женихов других усатых
Он от дома отгонял.
Вырос. Стал большим, пушистым,
Стал вальяжным барчуком.
Только был он не речистым,
Муркнет:
- Дайте молоко!

По столам совсем не лазил,
Как какой-нибудь плебей.
Также детских безобразий
Не терпел. Сбегал скорей.
Не держал он на хозяев
Зла. Исчезли? Что ж с того?
Ну, и пусть его не взяли,
Здесь же родина его.
Тут границы он отметил,
Четкие со всех сторон.
Только чужака заметил,
Чужака прогонит вон.
Гладит всё его семейство.
Если мог бы он, сказал:

- Ты зачем родное место,
Анатолий, покидал?
И чего же ты добился?
Стал богат и знаменит?
Где родился – пригодился,
Так пословица гласит.
Так что будем снова вместе
Тихо-мирно поживать.
Вместе – это ж интересней!
И не надо уезжать!
Я же умный, я же мудрый,
Я как моряку компас,
В этой жизни многотрудной
Утешение для вас.

Кот, конечно, полноценный
Член семьи, природы дар.
Вносит в быт обыкновенный
Магию кошачьих чар.

Да, Америка – не сахар.
Хорошо лишь тот живет,
Кто работает, как пахарь,
И кому удача прет.

Нет! Деревня вам не город!

Как свободно дышит грудь!
Толя снова бодр и молод,
Горы он готов свернуть.
Управляющий подвозит
Толю утром на хоздвор.
- Вот! Хозяина он просит!
Так стоит с тех самых пор.

Толя хлопает железо.
- Да! Состарился чуть-чуть.
Краска кое-где облезла.
И вовнутрь бы заглянуть!

Так весь день и провозился.
Вот и вечер наступил.
Сам себе он удивился:
На обед же не ходил.
Он чумазый и счастливый
Возвращается домой.
Встречной девушке красивой
Рад, как парень молодой.
Куры бегают, коровы
Возвращаются с полей,
Молоко отдать готовы.
Наливай бери да пей!
На скамейке две старушки

Обсудили столько тем.

- Ну, и что,- кивнул,- подружки!

Перетерли кости всем?

- Где же был ты, Анатолий?

Где так долго пропадал?

На курорте были что ли?

Ты бы сел и рассказал!

- Расскажу, еще успею.

А сейчас поешь да спать.

Вот вспашу, потом посею

И приду к вам поболтать.

- Ты работник-то хороший

И умен не по годам...

Только бы платили гроши,

А не так, как раньше нам.

Пацаны пинают мячик,

Гол пытаются забить.

На крыльце младенец плачет,

Мать пошла коров доить.

- Ты чего зазнался, Толик? –

Со двора кричит Пахом.

- Ну, шагай ко мне за столик!

Самогоночки махнем!

Пас он в молодости стадо,

Пьяный был, упал с коня,
Сделал пенсию, как надо,
Не работая ни дня.
Бабу взял он помоложе,
Веселей вдвоем бухать.
Толя раньше пил с ним тоже.
Тут уж нечего скрывать!
- Да сейчас, чем я, грязнее
В целом мире не сыскать.
Как-нибудь Пахом позднее.

И быстрее прочь шагать.
Фу! Дошел. А на веревке
Во дворе белье висит.
И избавив от спецовки
Тело, в баню он спешит.

Любит русский мужичок,
Трезвый и в подпитии,
Даже если дурачок,
Спорить о политике.
Вот казалось бы, тюфяк,
Никкущий сам-то,
Обсуждает так и сяк
Хиллари и Трампа.
Соберутся в РТМе

Мужики, сидят, дымят
И опять к привычной теме,
О политике трюндят.
- Вот скажи-ка, Анатолий
(Ты ж вращался наверху!),
Знаешь всё же нас поболе,
Растолкуй нам, кто есть ху!

Усмехнется грустно Толя:
- Да кого я там видал...
Но была моя бы воля,
Я б в деревню всех сослал.
Вот чиновников в Китае –
Что штаны им протирать? –
Всех в деревни отослали
Производство поднимать.
Ситуация плохая
В экономике была.
А теперь страна какая!
Даже Запад догнала.
- Вот что, Толя! Ты не дуйся,
Если что не так, на нас.
И с Китаем к нам не суйся!
Нам китайцы не указ!
Их китайцев-то вон сколько!
Каждый словно муравей.

А у нас глядишь и больно:
Сколько брошено полей.
Молодые уезжают.
А чего им делать тут?
Кто остался, те бухают,
На работу не идут.
Вроде что-то в нас сломалось,
Стало всем на всё плевать!
Сколько мужиков осталось
Здесь, по пальцам сосчитать!
Вот полгода, Анатолий,
Пашешь ты без выходных,
Целый день трясешься в поле,
Вроде дома нет, родных.
И чего же ты имеешь
За труды такие? Шиш!
За границу ты не едешь,
В ресторанах не сидишь.

У двора остановился
Длинный черный лимузин.
Дверь открылась, появился
Из машины господин.
Дядя ростом двухметровый
И по-модному небрит.
И костюмчик черный новый

Хорошо на нем сидит.

Поглядев на адрес дома,

Оглянулся, зашагал,

Словно он давно знакомый

Тем, кто в доме проживал.

Постучался.

- Да! Войдите!

- Добрый вечер, господа!

Анатолий губы ветер.

Понял он: пришла беда.

Значит, всё же не простили.

Вон какой нагнал он страх!

Надо так, чтобы убили

Не в дому, не на глазах.

Всё семейство побледнело.

Мысль одна: пришла беда.

Анатолий встал несмело.

- Что вам надо, господа?

- Коли так! -

Галина встала

Между ними.

- И меня

Убивайте!

И дрожала
И пылала без огня.

- Вы за мной не выходите,-

Молвил Толя.

- Будьте тут.

Посидите! Подождите!

Буду через пять минут!

Верка с Юлькой жмутся в угол,

Словно спрятаться хотят.

Держат за руки друг друга,

Молча смотрят и дрожат

В ожидании расплаты.

Уж таков судьбы расклад.

Но они в чем виноваты?

Ведь они так жить хотят!

- Никуда! Ни с места! – грозно

Крикнул Толя.

- Всем стоять!

Я вернусь сейчас! Seriously.

Выйдем только поболтать.

- Ну, не стой ты! Изувечу!-

На амбала закричал.

И судьбе своей навстречу

К лимузину зашагал.

Бьет судьба их без пощады.

Как же не заголосить?

«Ох, убили папку, гады!

Как без папки будем жить?»

Заревели. Папку жалко.

Он хороший, он без зла.

Папка, вроде им подарка,

Что судьба преподнесла.

Двери настезь. В угол жмутся.

Сердце выпрыгнет вот-вот!

В страхе бедную трясутся.

Вот и их пришел черед!

Вот зайдут сейчас убийцы

И по ним начнут палить.

Это чем вам, кровопийцы,

Мы сумели насолить?

Дверь открыта. У порога

Папа-лапочка стоит.

- Успокойтесь, ради Бога!

Да живой я! Не убит!

Напугались? Признавайтесь! –

На всю комнату ревет.

- Ну, быстрее собирайтесь!

Ждет за лесом вертолет!
- Это что еще такое,
Не могу никак понять?
- Да не будет нам покоя!
Надо Родину спасти!

ЭПИЛОГ

Как дадут в деревне деньги,
Всем гуртом, как на пожар,
Едут взрослые и дети
Деньги тратить на базар.
Для деревни это праздник.
Не в сундук же деньги класть!
Словно сельдь набьются в «пазик»!
Негде яблоку упасть.
Ну, конечно же, устанешь,
Как некрасовский бурлак.
Но все новости узнаешь,
Кто кого куда и как.
Нас в театр не заманишь!
Не хотим библиотек!
А базар – сам понимаешь! –
Сильно любит человек.
Ну, а где ж еще заставить
Уважать себя самих?
Можно деньги здесь оставить,

Можно там оставить их.
Всюду тут народ толчется,
Могут ноги оттоптать.
А нужда прижмет, придется
Очередь вам отстоять.
Впрочем, есть одно местечко:
Там, где крытка, но с торца.
Одного лишь человечка
Там увидишь – продавца.
Человечек странноватый,
Дурачок – не дурачок,
Низенький, чуть-чуть горбатый,
Неказистый старичок.
Всякой дрянью промышляет,
Тем, что не берет народ,
А в пакеты затолкает
И на свалку отвезет.
Вот, к примеру, эти боты!
Их старуха не возьмет.
Показаться в них! Да что ты!
Чтоб потешился народ?
Тут рубашка, словно саван
И тулуп тяжелый здесь,
И старинные, как сам он,
Даже пуговицы есть.

Широка страна родная!
Очень любя нам она!
Хоть такая-рассякая,
Но у нас она одна.
По башке порой огреет
Нас любимая страна.
Мы ж не Власовы Андреи!
Мать она всегда одна.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ТЕРКИНА

Глава 1

В РАЮ

Хорошо в раю родном!
Бродят души праздные.
И цветы растут кругом,
И деревья разные.
Здесь не знают никогда
Никакого бремени.
Не считают здесь года.
Нет здесь просто времени.
Вместо водки пьют нектар,
Дышат чистым воздухом.
Здесь никто ни юн, ни стар,
Все единым возрастом.
Хорошо в раю родном!
Лучше и не надо!

Отдыхаешь день за днем
На полянках сада.
Всюду яркие цветы.
Фрукты, между прочим.
Никуда отсюда ты
Сроду не захочешь.
Мошкары и комаров
Нету здесь нисколько,
Ни морозов, ни снегов...
Лепота – и только!
Вот архангел Гавриил
Как-то, отдыхая,
Поздним вечером бродил
По дорожкам рая.
Гавриил – архангел главный,
Командир небесных сил,
Шёл походкой легкой, плавной,
Сад Эдемский обходил.

Если где-нибудь узрит
Чью-нибудь он душу,
Встанет, переговорит,
Скушает с ней грушу.
Соловей романсы пел
Для своей подруги...
Вдруг архангел полетел,

Распростерши руки.
Но не в небо воспарил,
А низвергся наземь.
«Во! – подумал Гавриил. -
Что за безобразие?»

Не заметив – что такое? –
На кого-то наступил.
- Не дадут нигде покоя,-
Грубо кто-то пробасил.

- Что же ты ворон считаешь? -
Грубиян проговорил.
- На лежащих наступаешь...

Приподнялся Гавриил.

- До чего же я неловкий,-
Тихо молвил Гавриил.
Перед ним Василий Тёркин,
Как пред маршалом, застыл.

Перед ним сидит солдатик,
Красной Армии боец.
- Ты чего ж...на тропке, кстати...
Развалился, молодец?

Или места нет другого,
Как валяться на пути?
- Ну, и что же тут такого?
Или трудно обойти?

- Теркин! Вася! Вот так встреча!
Здравствуй, воин мой родной!

Теркин молвил:
- Добрый вечер?
Ну, а вы-то кто такой?
- Я архангел.
- Елки-палки! -

Громко Теркин закричал.
- Как же я, невежда жалкий,
Гавриила не узнал?
Вот как раз-то ты мне нужен!
В общем...

Теркин погрустнел.
Замолчал.
-Ну что ты? Ну же!
Говори, чего хотел!
- Значит, дело тут такое...

Он карманчик расстегнул

И листок, сложенный вдвое,
Гавриилу протянул.

- Что такое?

- Заявленье.

- Да здоров ли ты?

- Вполне.

И прошу я разрешенья
Предоставить отпуск мне.

- Разрешите обратиться? -

Отчеканил громко он.

- Должен сам я извиниться

За солдатский грубый тон.

Только тут такое дело...

Правды я не утаю,

Что душа моя, как тело,

Истрадалась вся в раю.

- Не болтай ты что попало!

Это что за ерунда?

Чтоб душа в раю страдала,

Не бывает никогда.

Для мучений, сам ты знаешь,

Место есть, где вар кипит.

- Адом нас не напугаешь,-

Вася Теркин говорит.

- Хлебанул его досыта.

До чего тут толковать.

- Это что же? Ты открыто
Вздумал, Тёркин, бунтовать?
Мед с горчицей не мешают...
Вот такой тебе мой сказ.
Мысли разные мешают?
Удалим мы их сейчас.

Взглядом грозным прожигает
Гавриил бунтовщика.

И за бунт его решает
В ад отправить на века.

Тёркин хмыкнул:

- Что ж сердиться?

Ну, пойми ж меня, чудака!

Мне б на землю возвратиться,
Посмотреть бы, что и как.

Я ж пролил за эту землю
На полях различных кровь.

- Что ты! Что ты! Не приемлю!

Отрекись от этих слов!

И архангел продолжает:

- Это что за ерунда?

Отпусков здесь не бывает

Никому и никогда.

- Ну, в порядке исключения!
На недельку бы хотя...
- Все! Отставить возраженья! -
Отвечает не шутя.
- Эх! – махнул рукою Вася.
По щеке слеза течет.
- Вот беда-то! Вот несчастье!
Не везет, так не везет!
- Но пойми же! Ты ведь умер.
Ты лишь дух, ядрена вошь!
Вася! Милый! Ты же умный!
Что ж ты ересь-то несешь?
- Да понятно все мне. Ясно!
Но послушай, Гавриил!
Жжет вот здесь! Болит ужасно!
И терпеть уж нету сил!

- Это что еще за шутки?
Или ты совсем дурак?
Даже и на полминутки
Нам туда нельзя никак.
Рай с землей, как две прямые
Параллельных, две страны...
Знай же, что миры такие
Пересечься не должны.
И пойми! В чертогах рая

Ты навечно, не на год!
Это же не проходная,
Чтобы шмыгать взад-вперед.
- Мне б вприщурку, мне б в полглаза
Посмотреть на отчий дом!
И тогда просить ни разу
Я не буду ни о чем.
Как утопал на войну я
(Ой, как немец тогда пер!),
Сторону свою родную
Я не видел с этих пор!
Что же за несправедливость?
И за что такой наряд?
Прояви, архангел, милость,
А потом гони хоть в ад!

Гавриил вздыхает тяжело:
- Ты уж, Вася, не серчай!
Исстрадался ты, бедняжка,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.